

18+

ВЛАДИСЛАВ ЧУРАЕВ

ТВОЯ КРОВЬ — МОИ СЛЁЗЫ

Владислав Вячеславович Чураев

Твоя кровь – мои слёзы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69187561
ISBN 9785005993793*

Аннотация

Парню по имени В исполняется 18 лет. Утром он отправится на встречу дивному дню в компании своей прелестной девушки М. Ребята и не подозревали, что сегодня весь их мир, наполненный хлопотами школьников, потерпит серьезные потрясения, а после встречи с экстравагантной богиней и вовсе расколется на «до» и «после». Новая реальность подарит: опасные приключения, бессонные ночи и погоню за призраками. Смогут ли влюбленные преодолеть тернистый путь, не потеряв самих себя, а что важнее – друг друга?

Содержание

Вступительное слово	5
Глава 1	7
Глава 2	48
Глава 3	102
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Твоя кровь – мои слёзы

**Владислав
Вячеславович Чураев**

Художник Аделия Гирфарова

© Владислав Вячеславович Чураев, 2023

ISBN 978-5-0059-9379-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово

Жизнь – это разнообразие цветов, оттенки которых каждый из нас различает и принимает для себя по-своему, исходя из пережитых ранее счастливых моментов и невзгод. Однажды мой мир перевернулся с ног на голову: цвета оставались такими же яркими, как и прежде, но смотрел я на них уже совсем иначе.

«Иногда, чтобы разглядеть во тьме то, что скрыто от глаз или попросту не кажется возможным рассмотреть, необходимо взглянуть на объект внимания под другим углом, сделав пару шагов в сторону. Иди сам, жди пока тебя подвинут – решать тебе, перед тобой целое пространство вариантов», – так говорила мама, сбрасывая с плеч пальто. «Либо же просто зажги свет и смело прими увиденное», – так говорил папа, принимая ее пальто в руки.

Моя лампа зажглась две минуты тому назад. Я открыл свой личный дневник и начал писать на его помятых страницах то, что ты читаешь сейчас. Кстати, меня зовут В, а как тебя?.. Ну, что же, будем знакомы. Позволь приоткрыть тебе просевшую дверцу моего искалеченного мира, рассказав историю, после которой, надеюсь, ты поймешь меня чуть лучше, отметишь нечто ценное и поучительное для себя, возможно, хорошо проведешь время, а может, не поверишь мне вовсе. Ведь в последнее время мало... кто верит. Даже мой

психотерапевт, который всем своим хмурым видом показывает, что уже изрядно вымотан моими несколькими посещениями в неделю, кажется, перестал воспринимать все проговариваемое нами всерьез. Знаешь, он мне надоел. Я перенесу все рассказанные ему истории сюда. Ты все понял правильно, дорогой читатель, да! Специально для тебя. Я без страха быть пристыженным и сожалеть, орошая слезами подушку, впускаю тебя в свое сердце. А ты...пустишь меня в свое?

Глава 1

День был насыщенным

Багряные солнечные лучи проникали в коридор заброшенного здания с потрескавшимися стенами. Изнемогая от колющей боли в правом боку, я неуклюже бежал по грязной плитке, спотыкаясь о прогнившие доски сломанных оконных рам и дверей. Мое дыхание сбивалось, пульсация в висках, казалось, вот-вот взорвет голову. Окружающая обстановка в глазах сильно размылась, словно все происходило где-то под водой. Несмотря на слабую видимость, место выглядело очень знакомым. Под ногами виднелись пожелтевшие обрывки газет, детские сломанные игрушки, а на стенах висели рисунки разнообразных животных и пейзажей. Пытаясь вспомнить, когда же я уже бывал здесь, моя головная боль лишь усиливалась, а мысли сразу же развеивались. Сложилось ощущение, будто кто-то крадет воспоминания прямо из памяти.

Одно я знал наверняка: во что бы то ни стало нужно продолжать бежать дальше, не останавливаясь ни на секунду, иначе он точно догонит меня и поймает. От этого зависит моя жизнь.

После очередного преодоленного мною поворота я на пару мгновений обернулся назад, пытаюсь разглядеть того,

от которого мне приходится убегать. Лица у этого создания не было видно – оно скрывалось за натянутым капюшоном темного балахона. Просторный халат покрывал все его тело полностью. Топот ботинок разлетался громким эхом по всему коридору, мне думалось, будто он находится куда ближе, чем на самом деле. Краем глаза я заметил, что от этого длинного одеяния исходит странный черный дым, который обволакивает все пространство позади него. Пару раз до меня доносились странные звуки, которые неизвестный издавал. Они походили на рычание дикого животного. Кажется, меня преследовал вовсе не человек.

Мои силы заканчивались, вот-вот и я достиг бы предела. Тогда ко мне пришла идея: после следующего поворота сразу же забегу в одну из комнат, поскольку они встречаются практически на каждом шагу, на какое-то время скроюсь внутри, а когда это существо пробежит мимо нее дальше, сразу же рвану обратно в противоположную от него сторону и буду искать выход отсюда.

Ровно так все и получилось.

Забежав за угол, мне удалось найти укрытие за дырявой дверью, выкрашенной в ромашку. Помещение комнаты еле еле освещалось благодаря паре недостающих кирпичей в стене. Через щель проникал уличный свет, дающий мне надежду на спасение. У меня все должно получиться. Я спрятался под столом, что находился в правом дальнем углу комнаты; руками закрыл себе рот, чтобы не выдать себя громким ды-

ханием.

От громких шагов за дверью тряслись стены, пол в комнате ходил ходуном, с потолка сыпалась штукатурка, а висевшая на проводе люстра шаталась. Если бы она упала и разбилась, то это точно привлекло бы внимание. Из последних сил я забрался на стол и потянулся пальцами к потолку. Мне удалось приостановить люстру рукой. Держа ее кончиками пальцев, я, затаив дыхание, следил за медленно проходящей тенью в маленьком дверном проеме. Шаги уносились дальше по коридору. Это существо прошло вперед, издавая недовольные звуки, подобные псу, которому не дали поиграться с косточкой. Все прошло по плану. Медленно и аккуратно опустив ногу со стола, затем еще более плавно вторую, я на цыпочках начал красться к выходу.

Мой не слишком хитро продуманный на бегу план мог бы даже осуществиться, если бы не одно жирное «но». Открывающаяся моей дрожащей рукой дверь протяжно заскрипела, словно кричала от невыносимой боли. Даже грохот шагов этого непонятного существа, вызвавший тряску стен, был гораздо тише.

Тут же раздался свирепый рев в конце коридора. Меня обнаружили. Нельзя было медлить ни на секунду драгоценного времени, которое мне удалось выиграть. Я помчался в противоположную от устрашающего звука сторону. Через пару поворотов все шумы вдруг стихли, эхом от стен отлетали лишь удары моих ног об плитку. Похоже, он наконец-то

отстал где-то позади и потерял меня из виду. Необходимо было найти выход, вероятно, он находился где-то неподалеку, потому что освещения в здании становилось больше. Развалины начинали увеличиваться в размерах. Возможно, поблизости найдется лестница на первый этаж, а там и похожие дыры в стене. Тогда получится ускользнуть отсюда через одну из них.

Однако, преодолев поворот, перед моими глазами резко возникло это существо в балахоне. Я врезался головой прямо в его грудь и меня отбросило на несколько метров назад. При падении, правую кисть моей руки насквозь пронзил гвоздь, торчавший из каких-то деревянных обломков. В глазах зарябило, а затем плавно начало темнеть, как если бы кто-то уменьшал яркость на экране телефона. Виски пульсировали еще сильнее, чем раньше. Сил подняться и бежать дальше у меня не оставалось. Из кармана он достал заостренный с обеих сторон топор и начал двигаться ко мне. Мне пришлось ползти в надежде забраться под какие-нибудь обломки и скрыться из его поля зрения.

За мной тащился волнистый кровавый след. С каждым новым движением кровь из моей руки вытекала еще большим напором. Внезапно мою ногу сковало что-то холодное и потащило резко назад. Обернувшись, я увидел, что это была ржавая цепь, обвившая мою лодыжку. Он дернул цепь на себя в первый раз – и моя кость с хрустом сломалась, дернул тут же второй раз – я взвыл от боли и начал цепляться ног-

тиями за плитку. Вне себя от беспомощности, жалко стараясь выбраться из его цепи, у меня лишь получилось доставить ему удовольствие. Существо насмехалось и тянуло меня к себе так же, как рыбаки подтаскивают свой улов к берегу. Из моих ногтей, царапающих плитку, хлынула кровь. Вот и все. Мне уже не выбраться, думал я.

Каждый уголок пространства вокруг окутало тем самым черным дымом и скрыло нас обоих во мраке. Огромное тело, внушающее страх, грозно нависло прямо надо мной. Его пенистые слюни обильно стекали на мои оборванные джинсы и начали растворять мне кожу, подобно азотной кислоте с быстродействующим эффектом. Существо занесло себе за голову топор и направило удар к моей шее.

Дальше все происходило как при замедленной съемке фильма в момент саспенса: моя отвисшая челюсть дрожала, взгляд застыл на нем, топор плавно разрезал воздух по направлению ко мне. Однако, чем ниже он его опускал, тем быстрее развеивалась вся темнота вокруг нас. Весь коридор заполнялся невероятно ослепительным белым светом. В ушах едва слышно звучал знакомый мне голос. Слов я не разобрал, но похоже это было на ангельски-красивое пение. Казалось, что мама поет мне колыбельную прямо как в детстве. В эту же секунду весь страх как по щелчку пальцев испарился. Теплый прилив сил взбудоражил мое тело. Весь этот свет буквально проникал в меня самого и залечивал раны моментально, не оставляя даже намека на шрамы.

Я почувствовал как отрываюсь от земли и начинаю лететь высоко наверх – к эпицентру этого магического сияния. Мне стало на удивление очень легко и спокойно, вся тревога и переживания пропали. Целый мир поставили на паузу, в нем царил баланс гармонии и умиротворения. Перед глазами проносились события моей жизни в виде череды стоп кадров, при чем исключительно приятные, и даже те, которые уже давно затерялись в глубинах памяти. Сейчас все они здесь, совсем рядом, мне даже можно попробовать дотронуться до них.

Я потянулся рукой наверх и в это же мгновение белоснежное свечение сменилось утренним солнцем, приятно обжигающим кожу, а вместо пронзающей боли от ран на теле ощущались мягкие прохладные губы, нежно целующие мою щеку.

– В, ну наконец-то ты проснулся, – ласково произнесла М, поглаживая мою голову. – С днем рождения.

Я открыл глаза уже в своей комнате с желтыми обоями, которые когда-то были белыми.

Девушка лежала справа от меня на боку, скрестив ноги, и закручивала мои волосы на свой палец. Она разглядывала меня с ухмылкой на лице, словно следила за очень необычными и увлекательными действиями. Вероятно, ее удивила та поза, в какой я спал, позабавили слюни, вытекающие из моего рта, а может, еще что-то. В любом случае, мне сразу же стало легче от того, что этот страшный сон закончился

и теперь передо мной не монстр в капюшоне, пытающийся меня убить, а лежащая рядом любимая девушка.

– Сон... это был всего лишь сон, – с облегчением выдохнул я. – Ну, конечно же.

– И, видимо, очень приятный, – прошептала М мне на ухо. – Из-за сладострастных стонов, издаваемых тобой, мне даже пришлось чуточку поревновать.

Несколько секунд мне понадобилось, чтобы прийти в себя после увиденного во сне, а затем ее слова наконец приобрели для меня смысл. Мои щеки покрылись румянцем. Чтобы увидеть его зеркала не требовалось. Я почувствовал некую неловкость, немного поджал губы и выдавил из себя:

– А-а-а, давно ты здесь?

– Минуты три или пять, десять... я не считала. Наблюдать за тем как долго и громко ты это делал, я находила занятием довольно забавным, – она улыбнулась белоснежной улыбкой и подмигнула. – Поэтому будить сразу я не стала.

– М, ты не представляешь... как я рад тебя видеть, – произнес я, застыв взглядом на ней, и прижал ее маленькую ладонь к своей груди.

– Тише, тише... т-твой сон закончился, – мило смутилась она и отдернула руку. – Поэтому оставь свои фантазии при себе и не воплощай их в жизнь. Конечно, сегодня твой день рождения, но это вовсе не значит, что тебе позволительно все.

– Какая же ты красивая.

– Ладно, может и все.

– Кстати, а как ты вошла? Не подумай, я безумно рад тебе, но все же...

– Твоя мама впустила меня. Оставила ключи, а сама ушла на работу, перед этим сказав: «Ты уж разбуди этого недотепу, а то проспит как обычно.»

– На нее это похоже.

– А еще она сказала, что погладила твою одежду, она висит вон там, – ее палец указал на открытый шкаф, находившийся слева от входной двери в комнату. – И вообще, В, почему ты не сказал, что твоя мама покрасила волосы в пшеничный блонд? Ей так идет!

– Но это же... не школьная форма, – сказал я, осматривая одежду на вешалке.

– Ха-ха, мы не пойдем сегодня в школу, – М сказала эту фразу так, будто она была заготовлена ею заранее. – Только не в этот день.

– Главная отличница класса хочет прогулять?

– Главная отличница класса продумала все заранее и отпросила нас обоих на этот день под предлогом того, что мы будем помогать клубу волонтеров сажать цветы в парке.

– Я думал... они не работают по субботам.

– Правильно думал, – она коварно улыбнулась и погладила меня по голове. – Вместо этого мы отправимся вдвоем кое-куда и отметим твое совершеннолетие.

– Значит придется соврать.

– Эй, вообще-то все это ради тебя! Я, между прочим, еще и картину, вероятно, дописать не успею в нужный срок. И вообще, провести день рождения со мной разве не лучше, чем просидеть до вечера в школе?

– День рождения с тобой? Лучшего дня мне в жизни не придумать.

– Если ответ правдив, то молодец. Если же он ложен, знай, я почувствовала это сразу. Так, ладно, одевайся, а я пока приготовлю тебе завтрак.

Встав с кровати, она направилась к двери.

– М, – окликнул я ее, – спасибо тебе, ты лучшая.

– Я знаю, – повернулась она с довольным лицом и скрестила руки у груди. – Но не волнуйся, отблагодарить меня как следует еще успеешь – это только начало. Поверь, этот день ты не забудешь никогда.

С этими словами она ускакала на кухню. Я же сел на край кровати и погрузился в воспоминания, как делал я это всегда после пробуждения.

На протяжении трех лет нашего знакомства М всегда оставалась такой: до жути милая, чрезвычайно улыбчивая, с безобидным чувством юмора, моментами даже несуразная, готовая в любую секунду пойти на опасную авантюру. Детская непосредственность бежала далеко впереди всех ее эмоций. Может, где-то около. Сказать по правде, сам с этим до сих пор не разобрался. Полностью понять такую девушку, как она – значит прочесть трогательный роман с искрометной

манерой письма, у которого имеется оглавление, но не имеется последней страницы.

Ей всегда удавалось говорить и поступать именно так, как хотелось того ей. Все были с этим согласны, потому что любое ее решение, несмотря на время и место, казалось единственно верным. То ли из-за того внеземного влияния, которое М оказывала на людей лишь одним своим присутствием, то ли из-за случайным образом подобранных слов. Получалось у нее это непроизвольно. Никаких особых усилий к этому не прилагалось. Вероятно, именно это принято называть харизмой.

Ей был присущ поразительный дар, свойственный людям исключительно уникальным – отдаваться без остатка любому из своих увлечений. Желание проявить себя в чем-то новом откликалось в ней неумемной страстью. Сложности не оказывали на нее и крупницы влияния.

«Пугающие жизненные трудности, наступающие меня на пути к цели, – лишь доказательство правоты выбранных мной решений, ведь только пройдя через бушующий ураган, я познаю истинные прелести спокойствия и тишины.» – так она сказала однажды.

В тот момент мне показалось, что это жизненная мудрость, которую М услышала от кого-то из членов семьи или же она сама пришла к таким умозаклучениям путем длительных размышлений. А на следующий день из ее рюкзака выпала японская манга. Все встало на свои места.

В один из самых обыкновенных понедельников родителям М поступило предложение о работе практикующих хирургов в больнице нашего города. Решившись на серьезные перемены в жизни, они приняли это предложение и переехали. Они поселились через дорогу от меня. Удивительным совпадением стало так же то, что моя мама тоже врач, и когда М перевелась в новую школу, ее волею судьбы определили в мой класс.

Помню этот день, будто он был вчера. Вместе с учителем в кабинет зашла очаровательная девочка в синем пиджаке и черной юбке. Узнав форму нашей школы, я понял, что у нас появилась новенькая. Она стояла перед классом, ковыряя острым носиком туфельки пол, и учитель ее представил. Бледная кожа блестела в солнечных лучах, заинтригованный взгляд лазурных глаз прошелся по каждому столу, оглядывая новых одноклассников, и вдруг задержался на мне. Тогда я немного засмутился и мигом отвернулся в сторону, будто разглядывая что-то другое, в то время как пухлые губы девушки растянулись в белоснежной улыбке, она сдержанно засмеялась детским смехом, полюбившимся мне в то же мгновение. М посадили за парту позади меня, и когда она проходила мимо от ее темных вьющихся волос повеяло тонким ароматом лаванды с ванильными нотками.

На перемене к ней сразу же подошли девочки, изъявив желание пообщаться. М воспитана, дружелюбна, а потому всегда проявит приветливость и ответит добротой. Однако дли-

тельного диалога у одноклассниц не вышло. Не то что бы кто-то проявил грубость или наглость, повлекшую за собой ссору – вовсе нет. Просто обсуждая планы на перемену, девочки позвали М фотографироваться в отражении зеркала в женском туалете, а она спросила у них: «как пройти в библиотеку?» Услышав это, на моем лице появилась улыбка, которую я поспешил прикрыть ладонью. Одного поля ягоды, говорят. Что же, в данном случае поля друг от друга расположились далековато.

Не могу сказать, что я один из тех заурядных ребят, которым человек западает в душу с первого взгляда, но ее приход заставил меня задуматься о том, насколько же разными бывают люди. Она не пыталась сразу же вылезти на первый план, как это часто делают остальные. Ее поведение здраво, уместно и выстраивалось со сверстниками таким образом, каким сама М требовала его быть. Внешним факторам и прочим раздражителям никогда не удавалось повлиять на нее. Это и отличало ее от многих других девчонок, переполненных безудержным желанием показать себя любимых с наилучшей стороны. К таким выводам я пришел, когда с мыслями о ней переступал порог дома. Так, не проронив ни единого слова в мою сторону, у М получилось забраться в мои мысли и удобненько присесть в них, положив одну ножку на другую.

В последующие школьные дни ее общение с одноклассниками развивалось и наполнялось подкупаемой всех добротой

и пониманием. Люди здоровые ценят это больше всего. Ребята с легкостью шли с ней на контакт, твердо зная, что она никогда не повысит голоса и не пойдет на поводу собственных эмоций в общении с тобой. По крайней мере, пока ты ее не разозлишь. Возможно, доверие внушалось во многом благодаря чудесному голосу М. Слушать его было приятнее, чем любую музыку, какой бы жанр в памяти не возник. Можешь даже совершенно не знать о чем конкретно она говорит, не догадываться, что имеет в виду, но так или иначе, навостришь свой слух, когда из ее уст сладко польются слова.

– ДА ЧЕГО ТЫ ТАМ ТАК ДОЛГО КОПАЕШЬСЯ, – прогремел разъяренный голос с кухни, заставивший меня покинуть свои мысли. – Я ВТОРОЙ РАЗ РАЗОГРЕВАТЬ ТЕБЕ ЕДУ НЕ БУДУ!

– Иду, иду!

«Она – прекрасна!» – подумал я.

Когда я заходил на кухню в глаза мне вновь ударили утренние лучи солнца, пробивающиеся через слегка отдернутые оливково-зеленые шторы. В комнате витал запах жаренного теста. На столе стояла тарелка с золотистыми блинчиками на голубой салфетке, блюдец, наполненное джемом, и кружка, испускающая пар. По телевизору шла запись концерта моей любимой рок группы. М стояла возле раковины и мыла сковороду в кухонном фартуке. «Просыпаться так каждый день было неплохо!» – подумалось мне. Подобный домашний уют напомнил мне безмятежную атмосферу, ца-

рящую в доме двух любящих сердец. Поэтому, конечно же, не пошутить было нельзя:

– Мама приведет детей в половине пятого, я сделаю с ними уроки, а ты приготовь еще и ужин, пожалуйста.

– Примеряешь на меня образ своей жены, В? – с серьезным лицом спросила М и повернулась ко мне с ножом в руке.

– Да! И могу сказать, что он тебе очень идет, – произнес я с улыбкой и отпил из кружки.

– Ладно, дорогой. Ужин я приготовлю, но что же с детьми? – загадочно спросила она и плавной походкой заскользила ко мне. – Их ведь нужно сначала... сделать.

– С-сделать?

– Именно так.

– Раз ты настаиваешь, – я в предвкушении потер ладони, – то возражений у меня нет.

М элегантным движением руки развязала фартук за спиной, сняла резинку волос – ее темные волосы распустились, она вплотную подошла ко мне. Своими пальчиками М пробежалась от моей груди до живота, имитируя этим движением заигрывание, и издала кокетливый смешок. Мне нравилось. Затем обошла стул и встала у меня за спиной.

«Вот это день рождения!» – феерично прозвучало в моих мыслях.

Вдруг, вместо нежных прикосновений рук почувствовалось, как ее пальцы проникли в мои волосы, резко схватили их и отдернули назад мою голову. Ого. Она прижала меня

к себе одной рукой, а второй плотно обхватила шею. Наклонившись к моему уху, она зловеще зашептала:

– И ты правда на это повелся? – затем шепот сменился повышенным голосом: – Детей значит мама приведет нам, да? Каких? Знаю! Второго тебя сюда запустит, потому что ты сам еще ребенок! Уроки собрался с детьми делать? Ты свои то делаешь через раз!

Постучав по ее руке, я сообщил ей, что сдаюсь, как если бы в бою, и она выпустила меня из захвата.

– Хорошо, пожалею тебя, но только потому что сегодня твой день. Завтра никаких поощрений!

– Ты правда хотела сделать мне больно? – спросил я, взявшись за шею.

– Самую малость, – ее голос наполнился сожалением.

– Зря старалась. Мне наоборот нравится такое, – сказал я, подмигивая ей. – Боль так заводит.

– ТЫ УЖА-А-А-СЕ-Е-ЕН!

Когда мы только начали встречаться кто-то спросил у меня: «Почему вы вместе? Вы ведь такие разные. Ты – среднестатистический школьник одиночка, учащийся на не самые лучшие оценки, а она главная отличница и популярная красавица класса.» Действительно, почему? Тогда ответа на вопрос у меня не нашлось. Или же просто не захотелось его озвучивать постороннему человеку, тем более, что его это никак не касалось. Я филигранно ушел от ответа, удивившись времени на часах и сказал, что совершенно забыл

про важную встречу, на которую, кстати, уже опаздываю. М услышала этот разговор. Обсудив его, мы сошлись во мнении и она признала, что я поступил правильно. Возможно, что именно благодаря схожести взглядов наши отношения держатся уже второй год. Мы говорим абсолютно обо всем, даже о самых незначительных мелочах, обсуждаем их и анализируем вместе, потому что видим друг в друге человека, которому можно довериться без капли страха для себя. И, конечно же, наше своеобразное чувство юмора. Без него ничего бы не сложилось.

М сидела и смотрела на то, как я аппетитно уплетаю ее блины за обе щеки. Когда я проглотил последний кусок, спросила:

– Доел? – и забрала тарелку. – Теперь одевайся, нам пора.

– Хорошо. А куда?

– Это сюрприз, поэтому потерпи пока. Совсем скоро все увидишь. Томительное ожидание удовольствия лишь усиливает его эффект.

– Ладно, ладно, – согласился я и встал из-за стола. – Эй, а что это там выпирает из твоей сумки?

– Не смотри! – подбежала ко мне М, загородив ее руками.

– Э-э-а... почему?

– Потому!

– Там мой подарок, да? – спросил я, заглядывая ей за спину.

– Сейчас не время для него! Я хочу подарить его позже!

Поэтому, прошу тебя, иди уже в свою комнату, оденься наконец, и мы пойдем уже!

– Как скажешь, подожди минуту.

Одевшись в самую обыкновенную одежду в виде джинсов и черной футболки, я вышел в прихожую и получил от М положительную оценку моего образа в виде сжатого кулака с поднятым большим пальцем. Сама же она была одета примерно так же. Видимо, в ресторан мы не пойдем, подумал я. Было интересно, что же ей пришло в голову на этот раз. Хотя, по большому счету, разницы не было. Ведь это же М, с ней и посиделки на лавочке будут ярче любого приключения.

Объятые веселым настроением, мы вышли из дома и направились к автобусной остановке. Майское солнце грело сильно, а освежающий весенний ветер разносил по улицам города сладкий аромат цветущей сирени. Повсюду суетливо ходили люди, спеша по своим делам, крича и нервничая.

Обойдя несколько многоэтажек, преодолев подземный переход, через пару минут мы уже были на месте, остановились и ожидали того, о чем знала только М. Я всматривался вдаль и выглядывал автобус, как будто бы знал нужный нам. Моя девушка стояла позади и, используя меня как тень от солнца, смотрела в телефон. Обернувшись к ней, я спросил:

– Вау, будем весь день кататься по городу на общественном транспорте? Я так счастлив. Ты угадала с подарком!

В ответ я не получил ничего, даже фирменного осудитель-

ного взгляда, которым ей приходилось частенько меня одаривать. Она по-прежнему продолжала смотреть в свой телефон, не моргая. Мне стало немного неловко, я в ту же секунду пожалел, что сказал это в слух. Когда М была на чем-то сосредоточена, ее лицо всегда выглядело чрезвычайно серьезным, собранным и полностью отвлеченным от окружающего мира. Но вдруг длительное молчание прервалось.

– Осталась всего минута.

– Что, уже? – улыбнулся я. – Наш совместный день так быстро закончился...

– Когда же ты уже поймешь... – М закатила глаза. – Твои шутки вовсе не смешные.

– Но тебе же они нравятся. Ведь... нравятся?

– Смотри, вот и автобус приехал! Как быстро, прелесть!

Зайдя в него, мы прошли в самый конец салона и сели на последние свободные места. Автобус увозил нас все дальше. Постепенно каменные высоты за окошком сменялись серыми пятиэтажками. Пустых мест становилось все больше. Еще через несколько минут зданий совершенно не осталось, автобус на скорости проносился мимо высоких царственных дубов и склонившихся ветвей берез. Я смотрел на них через стекло, облепленное божьими коровками. Стало очевидно, что автобус выезжает из города.

Проезжая мимо полей с золотыми подсолнухами, глаза М начали слипаться, а ее тело плавно наклонялось. Я тут же подхватил ее за талию, обнял и положил голову на свое пле-

чо. Немного поерзав на нем в поиске места помягче, она тут же уснула, едва слышно засопев. Видимо, сегодня М не выпалась или же вообще не ложилась спать, думал я. Утром ей пришлось собраться раньше обычного и прийти ко мне, чтобы разбудить.

А мы тем временем уносились все дальше. На какой остановке нам выходить знала только она.

Чувство неопределенности всегда переносилось мной достаточно тяжело. Я всю свою жизнь любил что-либо планировать, составлять списки, вести графики. Практически каждый мой день был просчитан до мелочей. Исключения возникали разве что из-за обстоятельств неподвластных моему влиянию. В случаях, когда что-то шло не по намеченному плану, меня охватывала легкая досада и чувство неудовлетворенности. Но в тот момент мои эмоции были совершенно другими.

М спланировала нашу поездку, вероятно, даже весь этот день – и все это исключительно ради меня. На душе сразу же стало тепло и приятно от того, что для нее это так важно. Она не так часто говорила о своих чувствах, временами даже немного грубо подначивала меня. Со стороны кому-то могло бы показаться, что моментами М меня не уважала, может и ненавидела. На самом же деле, ей вовсе и не надо было что-то говорить. Всю ценность отношения ко мне обличали ее поступки, которые всегда направлялись исключительно на доброту, заботу и переживания. И это вызывало

во мне потрясающие эмоции. На все свои планы и графики мне стало наплевать, их не существовало. Мои голову занимали лишь мысли о моей прекрасной девушке, о том на что она готова пойти ради меня.

– УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ! – прокричал водитель. – Следующая остановка конечная! Убедительная просьба покинуть салон! Автобус возвращается в город!

Поездка заняла несколько часов. М лениво приоткрыла свои прекрасные глаза цвета морской волны и огляделась. В ее взгляде, невероятно меня умилившим, читалось легкое удивление от того, что она так внезапно заснула. Мы без спешки поднялись со своих мест и направились к выходу. Сразу же своей свежестью повеял теплый загородный воздух. Автобус со скрипом захлопнул свои двери, развернулся и уехал. Звук его мотора уносился все дальше, вскоре стали слышны лишь верещания сверчков и отдаленные пения птиц.

Слегка приободрившись, М взяла меня за руку и повела за собой, сказав:

– Нам надо на ту тропинку, пойдём.

Тропинка вела вглубь леса.

– У нас пикник? – предположил я. – Хотя, нет. Мы могли бы тогда взять корзинку или рюкзак.

– Нет, В, у нас не пикник, – ответила М с серьезным лицом. – Осторожно, тут крутой спуск.

– Спускаемся к реке, чтобы порыбачить? – спросил я, от-

гоняя от лица насекомых. — Тогда стоило накопать червей, кукурузы купить, удочку прихватить, а еще спрей от кома...

— Не мог бы ты! — повысила голос М, а затем вновь опустила голову и тихо произнесла: — Помолчать.

Переступая через шишки, мы продолжили идти дальше по лесной тропинке, которая вела куда-то все ниже и ниже. Ее выражение лица стало гораздо более озадаченным, чем сегодня утром. Можно даже сказать, на нем читалась весьма заметная грусть. Плечо М заметно дергалось, пальцы тряслись, но продолжали обвивать мои, и чем круче становился спуск, тем сильнее чувствовалась хватка. Я решил помолчать и просто дожждаться, пока мы дойдем до нужного места. Там все станет понятно, надеялся я.

Через несколько минут дорога вывела нас из леса. Нам открылся вид на длинную набережную. Возле железного парапета рыбаки в шляпках закидывали удочки в реку и о чем-то увлеченно беседовали, любуясь пейзажем. Мимо них на роликах проносились две смеющиеся девочки, держа в руках огромного воздушного змея в виде орла. Они достаточно сильно разогнались и он взлетел высоко вверх. Их заразительный смех уносился далеко вперед. Мы последовали в ту же сторону, двигаясь вдоль набережной по асфальтированной дорожке, разрисованной мелом. Провожая девочек взглядом, я заметил то, куда они направляются.

Примерно в двухсот метрах от нас за железными воротами стояло множество шатров и разноцветных палаток, укра-

шенных яркими рисунками. Около них скопилось еще больше детей со змеями и воздушными шариками, тянущих куда-то за руки своих родителей, и, просящих что-то им купить; над ними по железной дороге проносились красные вагончики с кричащими людьми; на пригорке расположилось колесо обозрения, мигающее ярким свечением желтых фонариков; до нас начали доноситься звуки выстрелов, вероятно, из тира.

Я стоял на месте как вкопанный, сфокусировав свой взгляд на одной точке. Внутри все задрожало, точно от холода, а сердце забилось быстрее. М сжала мою руку крепче, потому как поняла, что до меня наконец дошло то, где же мы находимся. Теперь она не рассматривала землю под ногами, лишь меня, ожидая проявления хоть каких-нибудь эмоций.

Парк аттракционов «Лесная заводь» был тем местом, куда я с родителями каждый год приезжал отмечать свой день рождения. С ним связано несметное количество моих воспоминаний. Сколько себя помню, в этот день мама будила меня нежным поцелуем по утру, а папа заходил в комнату с шоколадным тортом в руках. Родители в один голос кричали отрететированное поздравление, говорили мне свои пожелания, а потом заключали меня в крепкие объятия и долго не выпускали из них. Торопясь скорее попасть в парк, мы быстро собирались, выбегали из дома и запрыгивали в папину машину. Ветер из окна обдувал мои волосы; откинув голову назад и прикрыв глаза, я ощущал себя самым счаст-

ливым ребенком на свете. Мама постоянно поворачивалась с переднего сиденья ко мне, наши взгляды встречались и мы дружно хохотали.

По приезде, мы шли на автодром кататься на электрических машинках и, разумеется, врезались друг в друга. Обойдя все аттракционы по два круга, все заканчивалось посещением колеса обозрения и поеданием вкусной выпечки внутри кабины. Главной и моей любимой традицией этого места стала концовка праздничного мероприятия. Все гости парка шли к берегу реки, держа в руках листы разноцветной бумаги, кому какая нравится, писали на них свои пожелания, затем делали из них кораблики и отпускали в воду плыть по течению. Из года в год моим желанием было вернуться сюда вновь. И каждый раз оно сбывалось. До определенного момента.

Семь лет назад моего папы не стало. У него обнаружили рак головного мозга. Они с мамой знали об этом уже довольно давно, однако ничего не рассказывали, чтобы мне не пришлось заранее расстраиваться и переживать из-за грядущего будущего. Им хотелось, чтобы мое детство было наполнено радостью и счастливыми моментами. Правда открылась лишь со смертью отца. Тогда мне было одиннадцать лет. С того года мы с мамой больше ни разу сюда не приезжали.

М аккуратно положила руку мне на плечо и начала говорить:

– В, я...

– Мама тебе рассказала об этом месте? – тихо спросил я, взглянув на нее.

– Я думала о том, что тебе подарить и решила разузнать у нее о том, как вы праздновали твой день рождения раньше – она мне все рассказала.

– И ты спланировала все это...

– Да, примерно за неделю. В, я хочу кое-что сказать... послушай меня, пожалуйста. Я знаю, насколько сильно тебе нравится это место, какие воспоминания у тебя с ним связаны. Приехать сюда с тобой показалось мне хорошей идеей, но не подумай, не для того, чтобы напомнить тебе о тяготах прошлого и-и-и... – она начала теряться в словах и складывать указательные пальцы вместе. – Я понимаю, что не заменю тебе того, что было здесь раньше, ведь это твое прошлое, оно никуда не денется. Однако, твоя мама сказала, что ты вспоминаешь время, проведенное здесь, с болью в сердце после того, как вы здесь больше не бываете. Поэтому я решила изменить это и создать здесь с тобой новые счастливые моменты, чтобы это место ассоциировалось не с чем-то расстраивающим тебя, а лишь с радующим. Позволишь мне это сделать?

– Конечно, позволю, – произнес незнакомый голос, принадлежавший мне же. Ей удалось меня удивить. Я с замиранием сердца желал узнать, что же будет происходить дальше.

М сняла с плеча свою сумку, растегнула молнию и достала из нее фотоаппарат моментальной печати. Огляделась

по сторонам и, встретив взглядом проходящую мимо женщину, спросила:

– Извините, не могли бы вы нас сфотографировать?

– Конечно-конечно, – весело сказала та, уплетая мороженое. – Вы такая красивая пара! Вас точно нужно запечатлеть!

М передала женщине камеру и повернулась ко мне спиной. Я обнял ее, мы прислонились щеками и наши лица растянулись в искренней улыбке. Так же в этот момент позади нас разноцветными искрами разлетелся большой залп фейерверков, выпущенный раньше наступления темноты и преобразил небо новыми пестрыми цветами, отчего фото лишь приобрело в красоте. Кадр удался и спустя пару мгновений женщина протянула нам готовое фото, проявившееся в ее морщинистых руках.

– Вот, ребята, держите.

– Большое спасибо! – ответили мы в один голос.

– Парень, хватай, хватай такую девчонку покрепче, а то упустишь.

– А я убежать от него и не собираюсь, – звонко произнесла М, прильнув к моему плечу.

– У тебя и не получится, – спокойно сказала дама, поправляя очки, и молча пошла дальше.

Фраза показалась мне странной, но М, словно не обращая никакого внимания, с торжествующей улыбкой на лице повернулась ко мне, показывая фото:

– Видишь этот снимок?

– Разумеется.

– Я добавлю его дома в наш коллаж! Он останется там навсегда! Как и я с тобой...

Если раньше бабочки просто порхали в моем животе безмятежно, то в тот момент они носились в нем бешено, врезались друг в друга и сливались воедино, летая затем еще быстрее. Я молча посмотрел прямо в ее выразительные лазурные глаза. Смотреть куда-то еще желания не было никакого. Все посторонние шумы моментально затихли для меня. В голове звучали лишь ее слова, которые пересекались с мыслями о событиях сегодняшнего дня. Детально продуманный план М воплотился в жизнь и все эти усилия были проделаны только ради меня одного, не для кого больше. Раньше она избегала подобных фраз и различных милых моментов, а сейчас уже как минуту после произнесенных ею слов не отрывает от меня взгляда.

– М, послушай, – прервал молчание я. – Большое тебе спасибо за то, что ты для меня сделала. Такого приятного сюрприза точно нельзя было ожидать. Это место, действительно, очень важно для меня, оно наполнено счастьем, тем счастьем, которое я каждый год делил здесь с любимыми людьми. Мне очень радостно, что эта традиция продолжилась и прямо сейчас... я счастлив, как никогда, быть здесь с тобой. М, я очень сильно люблю тебя!

– Я тоже очень-очень сильно тебя люблю! – сказала она, произнося каждое слово с новой более звонкой и высо-

кой ноткой в голосе. Ее щеки порозовели, глаза приобрели блеск.

Напрочь позабыв о всех людях вокруг, я осторожно взял ее за руку и плавным движением потянул к себе, она, сама того желая, поддалась мне и сделала два робких шага вперед. Ладони М покорно легли на мои плечи, мои руки обвились вокруг нее. Дыхание ее заметно участилось, а ноги сделались ватными. В очаровательном взгляде читалась неподдельная нежность. Испытывая легкое волнение, я неспешно, но уверенно, потянулся к ней, отодвинул черную прядь выующихся волос, скрывающую милое ангельское лицо, и трепетно коснулся ее столь невыносимо желанных алых губ. Мы слились в незабываемом ласковом поцелуе, несравнимым ни с каким, что был ранее. От мягкости ее губ во мне проснулись ощущения той легкости и тепла, которые я испытывал во время сна, поднимаясь к ослепляющему свету. Как и тогда, моим желанием было, чтобы этот доводящий до дрожи момент никогда не заканчивался. Мои безграничные к ней чувства хотелось преобразовать в нечто материальное в виде мягкого лоскутного одеяльца, окутать им наши тела и скрыть их от глаз всего мира, чтобы мы принадлежали лишь друг другу.

М совершенно перестала контролировать свое тело: пальцы сорвались с моих плеч, руки смиренно опустились вниз. Ручка сумки, кажется, начала сползать с локтя и через мгновение, со слышимым грохотом от количества внутри вещей,

упала на землю. Содержимое сразу же разлетелось по асфальту под нашими ногами. Тогда нам пришлось, не без чувства легкого разочарования, оторваться от поцелуя. Мы опустились вниз, чтобы собрать обратно все выпавшие вещи. Я подобрал ключи и протянул их ей:

– Вот, держи.

– Нет, не надо, В, – она замотала головой, – не отдавай.

– Как это, не надо?

– Мне совсем не хочется сегодня попасть домой, – закапризничала М и отвернулась, – Я хочу быть с тобой, поэтому оставь их у себя, тогда уйти у меня не получится.

– Ты и не уйдешь, – на моем лице проявилась улыбка. – Я тебя никуда не отпущу.

М расцвела, как прелестная роза в оранжерее. Казалось, именно этих слов она ждала.

Железная пара ключей комфортно вместилась в кармане моих джинсов. Я взял М под руку и мы с радостными лицами направились на встречу главному источнику шума вокруг – к аттракционам.

Первой нашей остановкой стал излюбленный мною автодром с подсвеченной вывеской в виде гоночного спорткара. Синяя машинка, предложенная оператором аттракциона, как раз подходила по размеру сиденья для нас обоих. Удобно расположившись в ней, меня настигло горькое чувство ностальгии, навивающее тоску по тем временам, когда мой хохочущий папа сидел так же рядом и помогал управлять мне

ею, направляя движения моих рук на руле, а так же давя ногами на педали.

Однако, поддавшись порыву эмоций веселья, вызванному нахождением здесь, я позабыл обо всем и просто расслабился. Столкновения с дико рулящими, смеющимися детьми и неожиданное пронзающее взвизгивание М, мигом унесли все мысли о прошлом подальше, оставив только эмоции прекрасного проживаемого настоящего.

Стоило справедливо признать, что мой навык вождения в управлении электронным автомобилем значительно возрос с последнего пребывания здесь. Катаясь уже на протяжении пяти минут, мы ни разу не врезались в кого-либо сами. Хотя в нас периодически на скорости влетали то с боку, то сзади. Внезапно М решила перехватить инициативу и самостоятельно показать «класс» в управлении. Она, по непонятной причине, решила руками обхватить руль снизу, сжав его как можно сильнее, не стала церемониться с педалью газа и вдавила ее сразу же в пол, начав резкое движение прямоиком к углу площадки. Мы понеслись на полной скорости, обреченные вот-вот врезаться в ограждение. Именно так все и произошло. При столкновении М наклонило вперед таким образом, что она чуть ли не вывалилась прямоиком на площадку, в то время как я, пытаясь ее удержать самым странным и неуклюжим способом, ударился лбом об руль нашей гоночной машинки. Ау.

– Ты в порядке? – беспокоилась М.

– Вроде бы, – ответил я, потирая лоб, – Если купим семейный автомобиль, чур детей в школу вожу я.

– Ну-ка, покажи... э-эх, теперь синяк останется! Прости, прости, про...

– Да ничего страшного, успокойся.

– Конечно, ничего страшного! – она рассекла воздух рукой. – Ты забыл, как было в прошлый раз, когда я учила тебя кататься на лошадях? Ты умудрился выпасть из седла на первой же минуте тренировки. Предсказуемо, но все же! Ты пришел домой с синяком размером с яблоко, а потом твоя мама звонила мне и спрашивала: «М, ты его случайно не бьешь?!» Такого больше быть не должно, иначе она решит, что я садистка какая-то!

– Но ведь ты и правда иногда меня бье...

– Цыц! – она прислонила горячую ладонь к моим губам. – Пойдем, приложим что-нибудь холодное к твоей голове.

– Ладно, ладно... а мама и правда тебе тогда звонила?

– Пойдем, сказала!

В поисках холодного компресса наш путь привел нас к небольшой палатке с выпечкой. Справа от нее располагался передвижной холодильник на колесах с мороженым. Тогда мы поняли, что достигли своей цели гораздо быстрее, чем ожидали. Купив шоколадное эскимо и подержав его всего минуту у своего лба, мое терпение иссякло. Я развернул упаковку и начал есть слегка подтаявшее мороженое. М же съела свое еще задолго до того, как я открыл собственное,

и даже успела протереть ротик влажной салфеткой.

– Что? – смутилась она, поймав на себе мой взгляд.

– Ничего, – пожал плечами я и спокойно отвернулся.

– Я просто люблю сладкое.

– Хорошо, как скажешь.

– Но я не обжора, ясно тебе?

– Я же такого не говорил!

– Но ты так подумал!

– Мне все равно, М. Хочешь, куплю тебе еще одно? Смотри, у них даже пломбир есть.

– Нет, моя суточная норма калорий не позволяет, – важно проговорила она и гордо подняла подбородок.

– Но зачем тебе эта норма? Ты и так вполне стройная. Попробуешь мое? – я поднес подтаявшее мороженое к ее рту.

– Да, стройная, – согласилась она и отодвинула мою руку, – потому что соблюдаю норму.

– А если не будешь соблюдать?

– В таком случае, будешь встречаться с девушкой вдвое больше тебя самого. И что же тогда?

– Ничего. Какой была прекрасной, такой и останешься.

– В, это подхалимство!

– М, это любовь!

Солнце склонилось к горизонту и в этот же момент по всей территории парка одновременно зажглись фонари. День проведенный с М подходил к концу, хотя, казалось, что автобус привез нас сюда совсем недавно.

За наше пребывание здесь мы успели прокатиться на высоком колесе обозрения, полюбоваться быстро текущей рекой и возвышенностями скалистых гор, расположенных на противоположном берегу. Так же мне посчастливилось впервые поцеловаться на стометровой высоте. Когда мы опустились на землю, мне все-таки удалось уговорить М на еще одно мороженное, которое она позже с удовольствием съела, несмотря на то, что поначалу и делала вид, будто совсем его не хочет. Почему девушки стесняются есть при парнях? Насытившись, она заметила тир и изволила пострелять из винтовки, точнее, захотела, чтобы пострелял я. Признаться, получалось у меня не очень хорошо, уж слишком крохотных солдатиков выбрали для мишеней, но все же небольшого медвежонка для М, который в самый раз поместился в ее сумке, выиграть удалось.

Перед тем как покинуть это место, мы решили прогуляться вдоль набережной и напоследок насладиться свежестью лесного воздуха, который у самой реки был крайне влажным и немного прохладным. М замедлила шаг, положила руки на парапет и мечтательным взглядом обратилась к шумевшим темным волнам. Легкий весенний ветер развеивал ее волосы, сбивал их на лицо, доставляя ко мне тонкий аромат лаванды, раскрывшийся на ее теле, лишенном изъязнов, по-новому: аппетитнее и одуряюще всего, что приходилось чувствовать. Проходя мимо парфюмерного магазина, меня часто зазывали «послушать чудные ароматы духов», но уве-

ряю, содержимое тех флакончиков не шло ни в какое сравнение с запахом М. Если любовь имеет запах, готов клясться, она пахнет именно ею. Я крепче обнял ее сзади, прижался к ней и мы вместе всматривались в дали едва заметной лесной чащи на другом берегу, надеясь разглядеть в ней что-то особенное, что скрыто от человеческих глаз. Хотя, думаю, что как раз-таки нечто особенное, прекрасное и удивительное слегка подрагивало от прохлады, находясь в моих руках именно тогда.

Из парка толпами начали плестись люди. Его закрыли, и в этот момент стало понятно, что нам уже точно пора проследовать на остановку. Взявшись за руки, мы побрели к лесной тропинке, изредка оглядываясь на закрывающиеся ворота.

По пути М рассказала, что ей, уж не знаю лукавила она или нет, безумно понравилось провести время в этом месте, и что теперь она понимает почему мне всегда так нравилось приезжать сюда каждый год. Оттого, что она с добротой и восторгом высказывалась о дорогом мне месте, на душе становилось тепло и приятно. Замечательно же, когда есть рядом человек, с которым можно разделить то, что любишь. Особенно, когда этого человека ты любишь ничуть не меньше. Мне захотелось разузнать то, как она с семьей проводила время в детстве и отмечала праздники. В моей голове родился план обязательно выяснить это у ее родителей и устроить подобный сюрприз, может, еще лучше: некое приключение,

будоражающее воображение.

На остановке, распахнув двери, нас уже ждал старенький заведенный автобус с тем же пожилым, уставшим водителем, привезшим нас сюда днем. Расплатившись, мы опустились на те же самые места, на которых сидели. Автобус еще немного набился людьми и вскоре тронулся.

За окном стемнело. Я откинулся на сидение, прикрыл глаза и быстренько прокрутил в голове события сегодняшнего дня. Могу с точной уверенностью заявить, что в тот момент улыбка на моем лице отчетливо виднелась. Пожалуй, за последние годы это был самый лучший мой день рождения, может, за все годы. Хотя, думаю, сравнивать их все же не имело и не имеет смысла.

– Совсем забыла! – М подпрыгнула на своем кресле так, что отдачу ощутил даже я, сидя на своем.

– Что, что такое? – перепугавшись, я открыл глаза и бросился к ней взглядом.

– Подарок, твой подарок, – она начала копаться в своей сумке. – Сейчас, сейчас.

– Подарок?

– Ну да, да! – раздраженно закивала М. – Это когда люди хотят сделать другому человеку приятное и дарят что-то.

– Эй! Знаю я, что такое подарок! Не надо говорить со мной как с пятилетним!

– Нашла!

Она достал из сумки две яркие бумажки. Из-за темноты

в автобусе я сначала не увидел, что на них написано, но, проезжая мимо фонаря за окном, разглядел их как следует. Ими оказались билеты на концерт моей любимой рок группы «Nazy witches» в нашем городе. Дата стояла на 20 мая, то есть через три дня. Мое сердце, кажется, исполнило сальто.

– То есть ты... решила меня окончательно добить сегодня своими сюрпризами... – смутно отреагировал, теряясь в словах.

– Что-то не так? – спросила она и прикусила губу. – Разве это не та группа?

Конечно, ошибки никакой не было, группа была та, та самая, чьи песни заслушивались мной бессонными ночами. Решив ничего не отвечать ей на очередной подарок, я просто стремительным движением подвинулся вплотную к ней и страстно поцеловал в губы, выражая этим жестом все свои бурлящие внутри чувства. М ответила на мой порыв и поцеловала меня в ответ, но почти сразу же отскочила к окну.

– Да что у тебя за странное увлечение появилось целовать меня на людях? – агрессивно зашептала она, водя пальцем у виска.

– Это порывы любви! – пояснил я и удовлетворенно рухнул на сидение.

– Хотя бы спрашивай в следующий раз!

– Не буду!

– Нет, будешь!

– Не буду!

– Будешь!

– Ладно... – сказал я и выдержал короткую паузу. – Тогда вообще больше не буду целовать.

– В, ТЫ... – глаза М закатились так высоко, что я даже засомневался: скатятся ли они обратно. Она сжала кулаки, лежащие на ее коленях, громко выдохнула, пытаясь успокоиться, и с досадой в голосе произнесла: – Да целуй уже, когда захочешь!

– Это именно то, чего мне хотелось от тебя услышать. – ехидно, с удовлетворением, проговорил я.

В остаточное время нашего пути до города я успел поблагодарить М за подарок и за столь замечательный день, так же уже в который раз за сегодня сказал, что она самая лучшая и напомнил, насколько сильно ею дорожу. Мы успели обсудить наш поход на предстоящий концерт и спланировали, что за день до него нам придется переслушать все альбомы группы, чтобы она хотя бы немного имела представление о том, куда вообще собирается со мной идти. В моем пылком исполнении была пересказана история становления и развития группы от простых музыкантов, играющих в сыром подвале, до главных восходящих рок звезд страны. Становилось заметно, что мое затянутое повествование немного утомило ее, но остановить меня возможным не представлялось. Она узнала и запомнила практически все факты, которые я рассказал ей.

Вскоре фонарей за окном стало гораздо больше. Через

лиственные ветви деревьев начали проглядываться плотно застроенные многоэтажными зданиями районы, и автобус заехал в город. Была суббота, поэтому мы быстро доехали до той же остановки, с которой уезжали.

Вместо приятной весенней погоды, что согревала утром, нас встретил прохладный вечер со сводами черных туч и громкой сверкающей молнией, появившейся внезапно на горизонте. Ветер со свистом носил туда-сюда городскую пыль и брошенный мусор. Висящие рекламные щиты возле магазинов шатались и наклонялись к земле.

– В твоей волшебной сумочке зонт случайно не завалился? – спросил я, выходя из автобуса.

– В моей сумочке просто так ничего никогда не валяется! – заявила М.

– В таком случае, пора поспешить домой.

– Вот и все... значит, по домам? – она надула щеки и опустила голову.

– Нет, пора идти ко мне домой.

– К тебе? – М подняла свои удивленные глаза.

– Да, именно, – я обнял ее за талию. – Я же сказал, что никуда не отпущу тебя, а ты говорила, что попасть домой тебе сегодня не хочется. Останешься у меня.

– А что скажет твоя мама? – улыбнулась она и прогнула спину, пытаясь упасть назад.

– По субботам она дежурит в больнице всю ночь, – сказал я, удерживая М в руках и подтягивая ближе к себе. – Дома

ее не будет, а даже если бы и была, не думаю, что смогла прогнать тебя.

– Ладно, пойдем. Хотя, знаешь, к себе домой мне зайти все равно придется, чтобы взять сменную одежду. И вообще... немного подготовиться.

– Хорошо, я подожду.

– Давай лучше ты пойдешь к себе, будешь меня ждать, а я скоро приду.

Мы подошли к нашим домам, расположенным друг напротив друга, разделенным лишь тротуаром и проезжей частью. Нас встретил единственный на улице часто мигающий поломанный фонарь и стрекочущие повсюду сверчки. Было безлюдно, довольно спокойно и тихо, не считая гремящего неба над нашими головами. М с улыбкой подмигнула мне и вприпрыжку отправилась собирать вещи.

Из моего подъезда вышел парень и придержал для меня дверь. Поблагодарив его кивком головы, я, преисполненный счастьем, зашел внутрь и направился к лифту. Мой палец уже на автомате нажал кнопку седьмого этажа. Двери с раздражающим скрипом сомкнулись и трясущаяся кабина поехала. С коротким звоночком лифт остановился и его двери открылись. Оставалось лишь зайти за поворот и пройти через длинный коридор к двери квартиры. Мои пальцы нырнули в карман и нащупали ключи. Достав их, я увидел синий брелок, который у меня на карабине никогда не висел, и лишь в тот момент понял, что забыл отдать М ее ключи. Те

самые ключи, выпавшие из сумки в парке. Из моей головы напрочь вылетело то, что все это время они лежали в моем кармане. Нужно скорее спуститься и вернуть их М, чтобы она попала домой, подумал я.

За приоткрытым окном в конце коридора сверкнула прямая молния и озарила улицу слепящим светом, эхо ее оглушающего грома подобно взрыву разнеслось по улицам, заставляя сработать сигнализации машин. Я быстрым шагом направился к лифту и суетливо начал давить на кнопку вызова несколько раз, но подцветка никак не загоралась и скрипящие звуки движения из шахты не слышались. Внезапно абсолютно все освещение в подъезде совсем пропало. По всей видимости, из-за погодных условий где-то случилось короткое замыкание. «Черт, ну почему именно сейчас?!» – подумал я и ударил кулаком по стене. Мне пришлось в темноте бежать по лестнице вниз. По грязным окнам колотил сильный дождь, а через узкие щели в подоконниках внутрь проникал громкий свист ветра.

С силой отталкивая дверь домофона, впопыхах выбегая на улицу, я умудрился моментально угодить ногами в лужу возле выхода, образовавшуюся в глубокой дыре асфальта. Щебень и песок, прикрываемые яму, размылись буйной силой воды и превратились в скопление жидкой грязи. Моя обувь глубоко увязла в ней. Рывком у меня получилось извлечь правую ногу. Взявшись рукой за стоящую справа лавочку, и, используя ее как опору, я сумел затем достать

оттуда и левую ногу.

В этот момент ледяной порыв ветра и дождь усилились, видимость на улице сократилась в разы. Подъездная дверь дома напротив открылась и из нее вышла М, прикрывая голову сумочкой. Я тут же направился к ней, чтобы помочь дойти, и как только мой кроссовок, полностью покрытый грязью, оттолкнулся от мокрого асфальта, подошва невольно заскользила вперед. Равновесие удержать не удалось и уже через секунду, сам того не осознавая, я падал спиной назад. Приземлившись на землю, ударился затылком об первую ступень на лестнице перед подъездом. Мою голову пронзила дикая боль, а в ушах раздался звон, приглушающий все звуки вокруг.

Как только М увидела мое падение, уронила свою сумку, затем сразу же поспешила ко мне на помощь и уже начала перебегать через дорогу, которая разделяла два наших дома. Капли ручья, текущего по дороге, разлетались под ней во все стороны. В страхе за меня ее взгляд наполнился диким испугом. Мокрая одежда раздражающе прилипала к телу, затрудняя движение, а едва проглядываемая стена дождя и отсутствие горящего фонаря погрузили округу в незримое пространство. Поэтому она ориентировалась исключительно по моему темному силуэту, лежащему на земле. Теперь и я почти ничего не видел, кроме того, что М практически добежала до меня. Ей оставалась всего лишь пара жалких метров. Звон, вызванный ударом об порог, затихал. Ко

мне постепенно вернулись шумы бушующей погоды, а вместе с ними появились звуки продолжительно сигналившего гудка и свист трущихся шин машины об асфальт. Дрожащая голова М плавно поворачивалась направо, в отражении испуганных глаз зажигался яркий свет фар несущегося на скорости легкого автомобиля. Ее руки раскинулись в разные стороны, а ноги замерли на месте без возможности сделать еще шаг. Машине удалось лишь немного сбавить свою скорость, но не остановиться полностью. Передний бампер врезался в нее, сбив с ног и повесив в воздухе скрежет гнущегося металла и ужасающий хруст ломающихся костей. Тоненькое тело М взлетело в воздух и еще несколько десятков метров его провезло на капоте машины, прежде чем оно упало на землю и начало окрашивать лужи в красный. С истерическими криками и непередаваемым состоянием кошмара и отчаяния, я подбежал к ней и увидел то, что повергло меня в глубочайший шок, выбив землю из-под ног. Ее голова была искалечена и полностью залита кровью, а коленный сустав торчал прямо из-под кожи. Обездвиженная, она лежала на земле, впитывая одеждой грязную воду луж.

Глава 2

Новая реальность

Одинокая старушка, живущая двумя этажами ниже меня, опираясь на клюшку, подошла к окошку своей спальни, чтобы задернуть шторы и после отправиться спать. Она уже начинала закрывать их, как вдруг остановилась и схватилась за сердце от крайне неожиданного испуга. Перед ней отчетливо предстали все те события, случившиеся с нами вчера: мое падение на асфальт, М, перебегающая через дорогу, и несущаяся на скорости машина. Прихрамывая, женщина поспешила в другую комнату, взяла в руки телефон и набрала номер скорой помощи. Машина смогла приехать довольно быстро.

Я же упал на колени и от страха отчаянно заорал протяжными криками на всю улицу, срывая себе горло. Во мне поселился ужас. Мои трясущиеся кулаки нескончаемо колотили сырой асфальт, сбиваясь в кровь, которая красным ручьем потекла дальше по дороге. Однако, никакой боли не ощущалось. Потоки нескончаемых слез хлынули по моим щекам и, скатываясь по лицу, падали на бездыханное тело моей девушки.

Она лежала на спине с закрытыми глазами, полуоткрытыми окровавленными губами и раскинутыми в стороны рука-

ми. Из-под ее бледной мокрой кожи открыто выступал коленный сустав. Вся ее одежда порвалась и испачкалась в крови, что лилась с головы, рук, шеи, покрывая все тело.

В панике я разорвал свою футболку с задумкой сделать из ткани жгут; суматошно начал искать поблизости дерево, чтобы сорвать палку и сделать из нее шину. «Сейчас все закончится, закончится, мы скоро пойдем домой! – метались мысли в моей голове, пока я срывал ветку с дерева у тротуара. – Потерпи еще немного, моя хорошая, потерпи, все будет нормально». В моем видении ситуации пылала ярая уверенность в том, что М разговаривает со мной и слезливо просит о помощи. Этот высокий голосок терзал мое сердце и требовал немедленных действий.

– Парень, остановись! – крикнул вышедший сосед. – Скорая уже за поворотом, отойди от нее. Тут ты уже ничем не можешь.

– ЧТО?! – мой дикий взгляд нацелился на него. – НИЧЕМ НЕ ПОМОГУ?! Я СЛЫШУ, КАК ОНА ДЫШИТ, ГОВОРIT СО МНОЙ, ПОЭТОМУ ВСЕ ИСПРАВЛЮ, ВСЕ ИСПРАВЛЮ!

– Послушай ме... – он не договорил. Его прервала женщина, выбежавшая из подъезда в домашнем халате.

– Что происходит то, господи? – спросила она, оглядываясь по сторонам.

– Он так и не понял, что она мертвая уже, – шепнул мужчина, прикрывая рот рукой. – Никак не может поверить.

«Идиоты, боже, какие идиоты, — думал я. — Что за бред вы несете? Мне же все слышно. Она жива! Конечно, она жива! Глупые люди всегда сгущают краски».

— Какой ужас! — прокричала женщина. — Это же М из соседнего дома, врачей дочка. Горе то какое... Смотри, вон и скорая подъезжает!

Несколько врачей скорой помощи рванули к М и оттолкнули меня в сторону. Затем начали осматривать ее тело. Вместе с ними на место происшествия сразу же приехали полицейские. Часть из них побежала к машине, которая колесами вверх лежала на тротуаре, а другие подняли меня с колен и, крепко взяв под руки, начали уводить подальше отсюда. Я не хотел оставлять мою М лежать там одну, поэтому с вырывающимися изо рта грубостями высвободился из их рук, и даже пытался с ними драться. В тот момент мне было абсолютно все равно, что будет со мной дальше.

Обезумев окончательно, я развернулся лицом к полицейскому, занес свой кулак и что есть мочи ударил его по лицу. Он слегка пошатнулся, поскользнулся и упал в лужу. Собираясь обратно бежать к М, внезапно мир потух для меня. Последнее событие, которое мне удалось запомнить — толстая черная дубинка второго сотрудника, прилетевшая прямо в мое лицо и сбившая меня с ног.

Как потом рассказала мама, навестившая меня в больнице на следующий день, после удара я сразу же упал и потерял сознание. Меня погрузили в машину скорой помощи, затем

сразу же увезли.

За рулем той проклятой машины находился мужчина тридцати лет. Его машина перевернулась и грудь ему проткнул металл от смявшейся части автомобиля. Спасти его не успели – он скончался от кровоизлияния. Та самая пожилая женщина, рассмотревшая все происходящее из окна, добровольно стала свидетелем и дала свои показания полиции. Сотрудники опросили всех жильцов, которые выбежали из дома на улицу. Они же, зная мою маму долгие годы, позвонили ей и рассказали все в деталях. Бросив работу, вызвав на бегу такси, она примчалась в больницу. Ко мне ее пустили, но пообщаться нам удалось лишь когда я пришел в себя. Всю ночь ей пришлось пробыть возле моей постели. Поведав все произошедшие события, о которых я мог позабыть, мама замолчала, села на стул возле кровати и взяла меня за руку. Увы, мне не было никакого дела до полицейских, врачей, и уж тем более соседей.

– Мам, я... не смог ее спасти, – говорил я севшим голосом. – Хотя мог, мог! Это все произошло из-за меня!

– Сынок, это все очень ужасно. Большая трагедия для наших семей, – сказала она и вдохнула носом воздух. Так мама делала всегда, когда нервничала. – Но, прошу тебя, не вини себя. Ты ни в чем не виноват.

– Если бы только проводил ее до дома, остался с ней! – я начал с силой сжимать в руке пододеяльник и нервно трясти его. – Не надо было брать эти чертовы ключи, тогда ей

не пришлось бы бежать ко мне! М была бы жива!

– Никто тебя не осудит! Полицейский, которого ты уда-
рил, простил тебя и понял сразу же. Родители М приходили
к тебе утром, когда ты еще спал. Они просили передать, что
не винят тебя и хотят видеть при первой же возможности.
После похорон ты можешь приходить к ним в гости, они те-
бя любят – это их слова.

– Г-гости? – запинался я. – Мне им в глаза смотреть бу-
дет стыдно... не то что... находиться в доме, в котором жи-
ла она.

– Поверь, ей бы этого хотелось, – сказала мама, положила
ладонь мне на щеку и ласково погладила ее.

– Она уже ничего не хочет! – с криками я оттолкнул руку.
Мама пошатнулась на стуле и едва не упала. – И ничего ей
не нужно! И все это из-за меня!

После этого она стремительно поднялась и решительно
направилась к выходу.

– Оставляю тебя одного.

Я злился и стыдился своей несдержанности одновремен-
но.

– Mam, прости меня.

– Тебе нужно еще поспать, поэтому ложись. Вечером я
приеду и заберу тебя домой.

С оглушительным хлопком дверь закрылась. Случилось
самое страшное. Мама оставила меня в палате одиноко раз-
мышлять над буйствующими мыслями. Заснуть не получа-

лось, как бы сильно я не старался. Передо мной сразу же возникала улица с погашенными фонарями, черная машина и образ ее окровавленного тела, лежащего на асфальте, и тогда вместо сна в глазах появлялись лишь слезы. Запомнить ее такой невыносимо больно и жутко страшно. Еще более душераздирающе было вспоминать то, как она весело, по-детски, радовалась пустякам и улыбалась невзгодам; застенчиво переступала с ноги на ногу, поджимала губы и смущенно отводила взгляд. Щеки ее розовели, а ногти ковыряли швы на колготках. Даже в тех случаях, когда М нервничала, кричала от обиды и уходила недовольной в сторону, не имея никакого желания со мной разговаривать – все это были честно испытываемые ею эмоции, которых она никогда не стеснялась, не прятала в себе, и это мне безумно нравилось, потому что они были настоящими во всех своих проявлениях. «Ты всегда такая искренняя, – сказал однажды я.» – «Да, если буду вести себя каждый раз так, как требует того ситуация, то вскоре совсем позабуду, кто же я есть на самом деле, – с гордостью ответила мне она.»

Самое ужасное, что теперь своих кристально чистых эмоций ей никогда не явить миру, ведь вчера я не смог никак помешать произойти тому, что произошло, тому во что до сих пор не верилось. Облизываясь, я все еще чувствовал сладкий вкус ее губ, на одежде находил завитые темные волоски и жадно вдыхал аромат М, оставшийся на моих запястьях, пальцах и воротнике футболки.

Мой мозг издевательски погружал меня в самые приятнейшие воспоминания, связанные с ней, концентрировался на них и проявлял все счастливые моменты в неопишимо ярких красках. Далее транслировались все леденящие кровь события вчерашнего дня – и так в течение долго времени по кругу, адскому кругу, из которого выбраться мне не удавалось.

Несколько часов я лежал на животе, спрятав голову под подушкой, словно в попытке избежать бесконечного потока мыслей. Но от них некуда было спрятаться. Они нагоняли меня и топили в омуте из собственных же горестных чувств. «Поверь, этот день ты не забудешь никогда, – говорила М вчера утром.» Похоже, что фраза, которой изначально наверняка не придавалось пророческого смысла, сбылась. Душераздирающий хруст костей и скрежет металла отпечатается в памяти на всю жизнь.

Целыми часами напролет мою голову занимал только этот день. Я прокручивал все возможные варианты того как он мог сложиться и понял, что мог спасти М абсолютно в каждом событии, при любой ситуации. Нам стоило лишь задержаться где-то на минуту. Может, у палатки с мороженым, выходя из автобуса, у самого дома. Тогда бы машина просто проехала мимо, ведь ее бы не оказалось на дороге. И теперь каждый мой последующий день рождения, вероятно, будет проходить с жгучей горечью в душе. Хотя, будет ли следующий, спросил себя я.

Дверь в палату открылась.

– Поспал? – спросил глухой голос мамы.

– Ты же должна была приехать вечером, – вспомнил я и медленно вытащил голову из-под подушки.

– В, уже вечер.

– Неужели? – мой взгляд бросился к окну. На улице солнце садилось за горизонт, небо окрасилось в оранжевый. – Прошу, забери меня домой.

– Сынок, я для этого и приехала, – сказала она и протянула мне руку. – Поднимайся.

Мы вместе вышли из центральных ворот больницы, немного подождали такси, затем поехали. Как можно скорее мне хотелось добраться до дома, зайти в родную комнату и насладиться домашним уютом, заглушая те чувства, которые безжалостно давили на меня весь день. Однако, представив исключительно свою комнату, мной совсем позабылось, что такси сначала привезет нас именно к тому месту, где и сбили М, и остановится точно у того тротуара, на который она почти забежала. Закрыв глаза, я попытался хоть на секунду успокоиться и не показать маме моих трясущихся от тревоги губ, как мне невыносимо больно и страшно.

– Я с тобой, – тихо сказала она и ласково вплела свои пальцы в мои. – Ты потерял своего близкого человека. Эта рана навсегда останется в твоей душе, но со временем затянется, поверь. Возникающие жизненные испытания, радости и приключения обязательно заберут тебя в круговорот новых со-

бытий, в котором придется искать себя и собирать заново. Не взирая на трудности, ты будешь улыбаться и бежать им на встречу, желая погрузиться в них с головой. Тебе откроется новый дивный мир, в котором не будет места уныниям, лишь желанию просыпаться каждый раз и улыбаться, счастливо встречая очередной день. А пока этого не произошло и сейчас ты чувствуешь себя так, знай, что рядом с тобой есть люди, которые тебя любят и всегда поддержат. Не скрывай эмоций. В, я же твоя мама, твоя семья, я приму тебя любым, каким бы ты ни был, разделю каждую твою эмоцию. Я люблю тебя, сынок. Никогда не забывай об этом.

– Мам, я... – мой голос сорвался. – Тоже тебя люблю.

Водитель остановил машину и сообщил, что мы приехали. Стараясь полностью сосредоточиться на вдохновляющих словах мамы, я вышел из такси, пытаюсь не озираться по сторонам, и как можно скорее зашел в подъезд, чтобы поскорее очутиться дома – в самом комфортном месте, где мне обязательно должно стать легче. Возможно, хотя бы в нем у меня выйдет заснуть или же получится думать о чем-то другом, более приятном и не столь тревожащим меня изнутри.

Ключ провернулся в замке дважды, мама потащила ручку на себя и открыла дверь. Наша двухкомнатная квартира предстала перед нами в освещении садящегося солнца за окном. Только ступив на порог, родной привычный запах, который можно было почувствовать исключительно здесь, сразу же обдал нас своим благоуханием, исходящим от стоящих

на кухне горшков с цветами.

– Ступай в комнату, а я пока приготовлю что-нибудь покусать, – сказала мама, положив руку на мое плечо. – Потом можем что-нибудь посмотреть, что хочешь.

– Ладно.

Моя комната осталась в том же самом виде какой была, когда вчера утром мы с М уходили отсюда: в спешке застеленная кровать выглядела неаккуратно из-за торчащего синего пододеяльника; потертые дверцы шкафа все так же открыты нараспашку с тех пор, как я достал из него одежду, чтобы одеться и поехать в парк; белые волнистые шторы отдернуты наполовину.

Рухнув всем телом на кровать, я глубоко вздохнул и громко выдохнул всей грудью. Затем прикрыл свои уставшие глаза в надежде насладиться тишиной. Потoki мыслей постепенно начинали уплывать вдаль, оставляя после себя легкие покачивающиеся волны спокойствия и умиротворения. Головная боль, преследующая меня весь день, становилась все менее чувствительной. Сон подкрался ко мне и забрал в свои теплые объятия. Ничего не оставалось, кроме того, как бес- сильно ему поддаться.

Мне удалось заснуть и благодаря этому не думать о том, что так сильно желалось забыть. Хотя бы на время оставить невыносимую реальность, наполненную болью и погрузиться в чудный мир покоя, в котором не нужно что-либо чувствовать и ощущать – именно то, чего безумно хотелось. Да,

не чувствовать и не ощущать.

Спустя время, лениво открыв глаза в крошечной темноте наступившей ночи, повернув голову направо, я увидел перед собой лежащую рядом М. Она грустным взглядом смотрела на меня, а еще, как и в прошлый раз, пальчиками игралась с моими волосами.

– В, наконец-то ты проснулся, – произнесла девушка понуро. – С днем рождения.

– Что? – потерянно спросил я и начал озираться по сторонам в поиске понимания происходящего. – К-как такое возможно, ты... жива? Но ведь вчера...

– Жива, мой дорогой, жива, – нежно прошептала она мне на ухо и начала рисовать пальцем воображаемые узоры на моей груди. – В твоем сердце я буду жить вечно, чтобы напоминать тебе о том, что ты сделал. Вернее, о том, чего ты не сделал.

– Н-но, послушай, ведь...

– Закрой свой рот, когда я говорю! – несвойственным ей грубым голосом сказала М, взяла меня ледяной рукой за волосы и подтянула ближе к себе. – Любимый, взгляни в мои глаза, скажи, что ты в них видишь!

По телу пробежали мурашки. Я не понимал, что происходит. Красивые лазурные глаза казались мне такими же прекрасными, как и раньше. Только вот, приглядевшись, я понял, что сейчас они совсем не горели, скорее стали стеклянными, холодными и безразличными ко всему живому. Ря-

дом лежала моя любимая М, в том же облике незабываемой красавицы, но ее поведение и манера говорить совершенно отличались. Они переполнялись грубостью и неуважением. Словно кто-то другой вселился в ее тело, сделал своей марионеткой и управлял всеми действиями.

– Я вижу в твоих глазах все, кроме жизни, – сказал я, пытаясь отвезти от нее взгляд.

– Знаешь, почему? – прислонилась она головой к моей, заставив продолжать смотреть на нее. – Потому что ТЫ ПОГУБИЛ МЕНЯ!

В эту же секунду М сделала жалостливый вид и заплакала кровавыми слезами. Ее лицо полностью покрылось глубокими порезами, волосы мгновенно стали мокрыми – с них напором полилась грязная вода, она начала стекать по рваной одежде, затапливала кровать, а вскоре и весь пол комнаты скрылся под алой водой. Цвет глаз сменился ярким красным свечением, заполонившим собой всю полость, скрыв зрачки. Громкие рыдания резали мне уши, казалось, будто звук проникает в глубины моего тела и не покидает его. Она кинулась ко мне и костлявой рукой обхватила мои щеки. Синеватые губы слегка приоткрылись – по ним на постель посыпались слипшимися кучками червяки и мухи в желтой слизи. Я пытался закрыться от них руками, но насекомых стало появляться так много, что они покрыли собой все вокруг и уже начинали с пискom заползать ко мне в рот, пытаясь поселиться внутри. Мне было совершенно нечем дышать.

Вдруг кровать подо мной провалилась. Мы вместе с М начали падать в пропасть, окутанную темнотой, которой не было конца и края. Во время полета она вновь посмотрела на меня, тогда ее вид стал прежним. Лицо очистилось от ран и заблестело, глаза сменили свой окрас, а волосы стали такими же шелковистыми.

– Такой ты видишь меня в последний раз! – с обаятельной улыбкой пропела она.

Резко поднявшись, я проснулся в своей кровати, хватая ртом воздух. Комната сменилась на светлую и чистую. Я пытался спастись во сне, не думать обо всем, отключиться на время, но даже там не удалось уйти от происходящего. Оно настигло меня и предстало в еще более пугающем свете. Хотя, если такие кошмары позволят мне видеть М, то пусть уж лучше буду спать вечно. Даже такой я хочу ее видеть, хочу видеть ее любой. Лишь бы не... мертвой.

Свет не был потушен и это внушало спокойствие. Внезапно мой взгляд поймал то, чего ранее не было – что-то блестящее лежало на столе. Тут же поднявшись, ватные ноги привели меня к углу комнаты. Раскиданные учебники были убраны и расставлены по полкам. Мама, наверное, зашла и прибралась. Вместо горы книг одиноко лежала лишь яркая фотография. Внутри все сжалось. Это было то самое фото, которое мы с М сделали, когда только приехали в парк аттракционов. На нем наши лица светились счастьем и неподдельной радостью момента. «Видишь этот снимок? – зазвуч-

чала вспышка моей памяти. — Я добавлю его дома в наш коллаж! Он останется там навсегда. Как и я с тобой...»

Вспомнив эти слова, меня тут же подкосило и резко потянуло вниз от бессилия. Опираясь рукой о стену, мне удалось устоять на ногах. Ощущения страха, гнева и нежелание верить в происходящее перемешались в единое целое. Кажется, будто некто невидимый переключил что-то в моей голове, увеличив тем самым все негативные эмоции в несколько раз. Думать рационально больше не удавалось. Я начал бить кулаками стол, стену шкафа, абсолютно все, что только попадалось мне на пути вымещения моего гнева. Комната погружалась в полнейший хаос из досок от мебели, раскиданных вещей и порванных тетрадей с учебниками. Все перевернулось с ног на голову. «Этот чертов сон, что это было вообще? — гремели крики внутри меня. — А эта фотография... Откуда она здесь?! Не могу, не могу... не хочу, НЕТ».

Стены комнаты вдруг стали стремительно сужаться в направлении друг друга и совсем скоро, по-видимому, раздавят все, что здесь имеется. Уши начали резать неразборчивые шепчущие голоса, которые с каждой секундой нарастали и становились громче, переходя на множественные крики и плачи. Разум окончательно запутался и совсем не позволял понять: галлюцинация все это, может, очередной кошмарный сон? В любом случае, отсюда необходимо выбираться, и при том, как можно скорее, решил я. Пространство давило на меня в прямом смысле этого слова. Стены уже почти

сомкнулись.

В надежде спастись от всего безумия я рванул в прихожую, захватил кроссовки и выбежал из квартиры, одевая обувь на пути к лифту. Забежав в него, ударил по кнопке последнего двенадцатого этажа, он повез меня наверх. «СЕЙЧАС ТО ТЫ РАБОТАЕШЬ, ДА?! – думал я в истерике и бил по кабине. – РАНЬШЕ НАДО БЫЛО! КОГДА БЫЛ ШАНС СПАСТИ ЕЕ!» Двери открылись. Я выбежал в коридор этажа, по которому разносился мой нервный истерический смех. Моей целью была лестница, ведущая на крышу дома.

Постоянно спотыкаясь на бегу, мне удалось достигнуть нужной двери. Заперта. Отойдя к стене, как следует разбежавшись, у меня получилось выбить ее ударом ноги, но раза с пятого.

Свежий воздух острым напором хлестнул по лицу. «Ну вот и все, сейчас все и закончится – надрывно шептал я, пока шел к краю. – Так больше не может продолжаться, нет, нет, не может. Нужно покончить с этим раз и навсегда.» Я переступил за невысокое железное ограждение и встал на небольшой выступ, за которым крыша уже заканчивалась. Казалось, что ветер дул здесь еще сильнее. Все мое тело мотало из стороны в сторону. Внизу виднелись маленькие человечки, которые бродили туда-сюда, а также оттуда доносились их перемешанные голоса и звуки сигналящих машин.

«Мне больно здесь оставаться, – говорил я сам себе. – Ты

не смог ее спасти, понимаешь? Никогда не смогу перестать об думать. Каждый день я буду засыпать и просыпаться лишь с этой невыносимо гнетущей мыслью. М, ты – самое лучшее из вообще случавшегося в моей жизни, своей любовью ты насыщала все, щедро дарила себя всему миру, ничего не требував взамен... Прости меня. У тебя было столько планов, твои амбиции... Ты хотела стать художницей и писать картины. Целая жизнь была впереди! Она не должна обрываться в столь раннем возрасте. Если бы я только смог выйти из дома раньше, тогда с тобой все было бы в порядке. Мое тело должно лежать на той дороге, но никак не твое. Поэтому, давай же, осталось лишь шагнуть вперед, скоро весь этот несправедливый мир померкнет в моих глазах. Я усну навсегда, а ты будешь являться ко мне во снах. Именно это мне и нужно.»

Телефон, что лежал в кармане джинсов, вдруг зазвонил, по моей ноге прошла будоражащая вибрация. От внезапного испуга нога подкосилась на неустойчивом покрытии, затем сразу же вторая – я начал падать назад и ударился позвоночником об один из железных прутьев перегородки, находящийся за спиной. Карнизный свес был металлическим и лежал под наклоном вниз, поэтому штаны при падении на него заскользили – меня стремительно понесло вперед. Мои ноги уже скатывались за пределы крыши, казалось, что вот-вот они перевалятся полностью. Неожиданно мое тело повисло в воздухе, покачиваясь над просторами ночного го-

рода. Мышцы с ног до головы загудели, меня охватил страх, выброс адреналина в кровь затруднял дыхание. Голова максимально осторожно, неторопливо, стараясь избежать резких движений, приподнялась наверх – я увидел, что капюшон моей кофты зацепился за те самые железные прутья у края. Таким образом, лишь легкая хлопковая ткань удерживала меня от падения вниз. Телефон в кармане продолжал беспрерывно звонить.

В одно мгновение все обилие суицидальных мыслей осталось где-то далеко позади. Теперь эти глупости уже никак меня не тяготили. Единственной моей проблемой было лишь то, что я, с бурлящей кровью в жилах, повис над землей, качаясь из стороны в сторону, и рискую в любую секунду сорваться и разбиться насмерть. Вдруг ко свисту ветра в ушах добавился некий треск, характерный для рвущихся швов на одежде. Ощущение неминуемой гибели проросло во мне предельно быстро. Инстинкт самосохранения взыграл, затуманенная голова наконец-то очистилась и вернула себе здравый рассудок, который неустанно повторял, что ему хочется жить.

Любые мои телодвижения оказывали заметное давление на капюшон – так он рвался еще быстрее. Решив не терять времени, я дернулся наверх и правой рукой схватился за выступ. В этот момент кофта порвалась окончательно. Мне удалось сразу же закинуть наверх вторую руку и свободно повиснуть, держась самостоятельно. Из-за вчерашнего дождя

покрытие намокло, пальцы соскальзывали. Либо сейчас, либо никогда, твердо решил я. Из последний сил подтянувшись на руках, оттолкнувшись ногой от выступающего кирпича стены, мне удалось занести локоть на поверхность. Опираясь на него, и, закидывая ногу наверх, я перевел груз своего тела вправо и повалился на край крыши, тяжело дыша и чуть не плача.

Телефон выпал на землю и вновь раздался звонок — на экране высветилось «Мама». Пальцы тряслись от напряжения, но приняли звонок.

— Алло, — ответил я дрожащим голосом.

— Сынок, ты вышел прогуляться? Вернешься скоро?

— Д-думаю, да.

— На улице довольно прохладно. Ты кофточку взял?

— Кофточку? — спросил я и начал трогать торчащие нитки, на месте которых должен был быть капюшон.

— Да-да, черненькая такая. Она у тебя довольно теплая.

— Взял, мам, — я постарался успокоиться и говорить максимально спокойно, — не переживай.

— Ох, ну хорошо. Ты так быстро убежал, даже ничего не сказал. Я уже не знала, что и думать.

— Не бойся, скоро вернусь домой. И еще, прости за тот беспорядок, что устроил в комнате.

— Какой беспорядок? Только что заходила поменять тебе постельное белье. Здесь все чисто.

— Чисто? — удивился я. — Хочешь сказать, что мебель це-

лая?

– Конечно!

– Тогда я точно схожу с ума, – пробормотал едва слышно я.

– Что, что ты говоришь?

– А, ничего, – вдруг опомнился, – спасибо тебе за... белье. И вообще, мам, знаешь, я очень тебя люблю и ценю. Просто знай это.

– Сынок, разумеется, я знаю это. Я тоже тебя люблю и очень жду. Возвращайся поскорее.

– Хорошо, мам, пока, – договорил я и заплакал.

– Пока-пока, мой котенок!

Я продолжал лежать на животе, не принимая попыток подняться. Мой взгляд устремился в окно соседнего дома, где сквозь алые шторы виднелась маленькая девочка, играющая со своей мамой в настольную игру. Они кидали на стол фишки, а после каждого третьего броска начинали смеяться и обнимать друг друга. К ним присоединился папа, который принес им по шоколадке и кружке какого-то напитка. Потом мужчина сел и начал их целовать. От этих людей, что находились на расстоянии, до меня доходил самый настоящий семейный комфорт, тепло и любовь. Смотря на них, мне было удобно лежать даже на холодной крыше.

В памяти возникло событие: мы с М сидели на уроке литературы и листали учебник, в котором прочли цитату одного умного человека, он говорил: «Независимо от того, что вы

сделали для себя или для человечества, но если вы не сможете оглянуться назад на проявленную любовь и внимание к своей семье, то вы на самом деле ничего не сделали.» Этот мужик оказался чертовски прав.

На протяжении всей жизни моя семья была всегда рядом. Они разделяли со мной радостные моменты, не оставляли одного в грустные. Отец ушел из жизни и все эти обязанности мама взвалила на свои плечи. Признаться, справлялась с ними она превосходно. У нее совершенно не было времени для скорби, все чувства без остатка посвящались мне. Возможно, что она и переживала, роняла слезы на подушку когда-то по ночам, но мне этого никогда не показывала. Мне всегда казалось, что и я дарю ей ту же самую заботу и безграничную любовь в ответ. Однако, взглянув сейчас на свои действия, на то, что я попытался сделать несколькими минутами ранее, мне стало чертовски стыдно. Люди никогда не должны поступать с близкими так. Мама сидит дома и переживает, пока один обезумевший придурок тут прыгать собрался. Думаю, что любовь – это не только получать, а еще и отдавать многое ради любимого человека, жертвуя порой гораздо большим, чем располагаешь. Что же до меня, я заботился и думал лишь о своем состоянии, но никак не о ней, не о том, чтобы бы ей пришлось пережить, если бы меня сегодня не стало.

Поэтому, вернувшись домой, остаток времени до похорон я проводил с мамой наедине, не покидая дом. Мы разглядывали старые семейные фотоальбомы. Начинали день

с плотного завтрака в кровати, а заканчивали жирным ужином на диване. Развалившись, смотрели старинные ужастики и до полуночи говорили обо всем на свете. Всеми своими действиями она пыталась не дать мне остаться одному, отвлекая от происходящего своей компанией. Тем не менее, ложась в постель ночью, заснуть мне удавалось лишь через несколько часов. Мои мысли вновь занимал тот злополучный день, перематывающийся снова и снова.

Ранним дождливым утром возле кладбища, окутанного вуалью тумана, начали собираться люди, пришедшие проститься с М. Черных силуэтов, не спеша шагающих под зонтиками к окраине города, с каждой минутой становилось все больше. Учителя из школы, одноклассники, близкие родственники – все они, узнав о трагедии трехдневной давности, пребывали в шоке. Ситуация получила особенно широкий охват после утреннего выпуска новостей, где подробно обо всем рассказали, взяв интервью у очевидцев. Безразличных попросту не осталось. Каждый человек, который хотя бы мимолетно имел удовольствие пообщаться с ней, сразу очаровывался, поэтому, по непонятной мне причине, считал своей обязанностью появиться сегодня здесь и увидеть ее в последний раз. Некоторые молча стояли и томились в ожидании возле ворот, кто-то не переставая лил слезы, а какие-то девочки со знакомыми мне голосами без устали перешептывались между собой, обсуждая появившиеся слухи. Все это я отчетливо наблюдал, прислонившись головой к запотевше-

му стеклу.

– Ее должны привезти через пять минут, – заявила мама, приоткрывая окно и поджигая себе сигарету.

Она сидела за рулем старой машины отца в черном бархатном платье и нервно постукивала ногтями по приборной панели.

– Ты же бросила курить, – безразлично произнес я, сидя справа от нее на пассажирском сидении.

– В, не ты один переживаешь, – тихо сказала она, выдыхая дым изо рта. – Я тоже люблю М и мне тяжело.

– Понятно.

– После похорон и поминок поедem к ее родителям. Вчера вечером они позвонили и сказали, что будут рады видеть нас у себя.

– И что ты им ответила? – апатично поинтересовался я, не отрывая голову от стекла. Его холод приводил меня в чувство.

– Приедem, конечно.

– Поедешь одна.

– Это еще почему, позволь спросить?! – повысила она голос и стряхнула пепел за стекло, обстучав сигарету пальцем гораздо больше раз, чем требовалось.

– Я не поеду, – спокойно ответил я.

– Спрошу по-другому, – она сильно затянулась в последний раз, словно желая поглотить в себя мое несогласие, выбросила сигаретный бычок в окно, а затем повернулась ли-

цом ко мне и начала сверлить взглядом. – По какой конкретно причине ты не поедешь со мной? Они хотят поговорить с тобой! Будут ждать именно тебя!

– Мне им нечего сказать, разве что: здравствуйте, красивый ремонт сделали, кстати, ваша дочь погибла по моей вине.

– В, в чем дело?! – крикнула мама, откидывая свои пшеничные волосы за спину. – Мне казалось мы уже обсудили эту ситуацию и соответствующие выводы из нее ты сделал! – она продолжала уничтожать меня разъяренным взглядом, ожидая хоть какого-то ответа. – Молчишь? Так вон оно что, сменил свои скорбящие слезы на всепоглощающее безразличие ко всему. Если тебя так будет легче, ладно, не говори со мной, но не прийти к этим людям ты просто не можешь! Это прежде всего неуважение к ним и сам знаешь к кому!

«Сам знаешь к кому». Я почувствовал, как в мою душу нагло вторглись незваные гости, не изволив разуться.

– Почему же тогда ты избегала родителей отца, когда он умер? – повернулся я к ней и, смотря в глаза, начал говорить: – Бабушка с дедушкой так хотели тебя видеть, а ты после похорон испарилась. А когда я рассказал им, что у отца был рак уже как несколько лет, то знаешь, они очень этому удивились, ведь слышали это впервые! «Как же так?! Она нам ничего не сказала?!» – спрашивали они у меня. У меня! Мам, вы всегда доверяли друг другу самое сокровенное,

объясняя мне, что именно так и должна поступать настоящая семья. А ты умолчала о самом главном. Понимаю, не хотела волновать их раньше времени, как и меня. Мало ли все бы еще обошлось. Медицина то вон как развивается! Могли и вылечить, да? Но вот только решение это оказалось ошибочным в том момент, когда дед после похорон слег в больницу с сердечным приступом от столь неожиданных и шокирующих новостей, перенесенных им. Но даже тогда ты заставила поехать меня и навестить его, а сама осталась дома, прикрываясь горой документов, будто работаешь. Так вот, мама, о каком тогда уважении идет речь, почему я должен сегодня поехать к родителям М, ведь ты чувствовала себя тогда точно так же, и поступки твои схожи с моими. Зачем тогда ты говоришь все это?

– П-потому что, – слышалась дрожь в ее голосе, она отвернулась и больше не смотрела на меня, – не хочу, чтобы ты повторял моих ошибок, вот и все. Я поступила неправильно, игнорируя их столько времени. Такое решение правда было ошибочным. Твой отец еще за несколько лет до своей смерти просил меня ничего им не говорить, но это вовсе неважно. Если люди тебе близки, то ты должен быть с ним честен, а если даже нет, то как минимум признать свою вину и извиниться. Увы, я этого не сделала, теперь очень об этом жалею. Поэтому мне хочется, как и любому любящему родителю, хочется, чтобы ты брал от меня только самое лучшее, делал выводы и не повторял совершенных мною глупостей, сынок.

– Мам, ты знаешь, что...

– Поговорим позже, – перебила она меня и кивком головы указала вперед. – Машина подъехала, пойдём.

Выходя из нагретого салона, я сразу же накинул по самые глаза капюшон своего темного плаща и опустил взгляд вниз. Мама подошла ко мне. Вместе, под руку, мы зашли на кладбище. Людей внутри оказалось гораздо больше, чем около входа. Пробиваясь через нескончаемое скопление народа, я находил знакомые лица одноклассников, многих близких друзей и изо всех сил надеялся, что они меня не замечают. Солнце совсем не показывалось из-за облаков, сплошная завеса туч закрывала его. Туман поглотил собой все видимое пространство, видеть что-либо дальше пары метров было затруднительно. Моему плану оставаться не признанным это сыграло на руку.

– Мы встанем сбоку, вон там, – мой палец указал на свободное место возле дерева.

– Оно далековато, – мама несогласно помотала головой. – Родители М будут стоять ближе.

– Мы к ним приедем, обещаю. Я поговорю с ними, но позже. Сейчас не время и не место.

– Как скажешь, – выдыхая, согласилась она. Похоже разговор на повышенных тонах в машине слегка ее пристыдил. Если так, то меня он пристыдил поболее.

Стоя на небольшом пригорке, поросшим ядовито-зеленым мхом, под высоким дубом, нам стало видно, как по за-

росшей травой тропинке вдоль крестов и могильных оград шагают четверо крупных мужчин, несущих черный лакированный гроб на своих плечах. Перед ними люди расступались, замирали на месте и провожали их застывшим взглядом. Все ближе они подходили к вырытой в земле яме, на которую смотреть мне не хотелось. С каждым их последующим шагом сердце в груди сжималось сильнее, а пальцы рук тряслись от волнения еще больше. На теле выступил холодный пот. До меня только в эти секунды начало доходить, что же именно сейчас произойдет.

Конечно, все три минувших дня я осознавал, что этому обязательно суждено случиться, но сейчас все мои прошлые переживания меркли по сравнению с тем внутренним хаосом, что бушевал во мне. «Там же М, моя любимая, – думал я. – Сейчас ее закопают в эту чертову яму навсегда! Нет, нет! Она не должна лежать там, пожалуйста! Господи, ей надо жить! Пусть мы даже не будем больше вместе, пусть она ненавидит меня целую вечность, но она... Главное, она должна жить! Хотя бы где-то поблизости, пусть даже совершенно не ведая обо мне. Костями за это лягу! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, я отдам за это все, что у меня есть без остатка. ВСЕ, что у меня есть, когда-то было, и еще будет в будущем!»

Мой бурный разум будто запустили заново и вернули ему всю ту боль, которая сводила меня с ума, заставляя принимать беспечные решения. На несколько дней его обездвижи-

ли, а теперь все спрятанные эмоции вырвались наружу. Состояние было сравнимо с тем самым, в котором я забрался на крышу и от безысходности, безумия и потери собственного сознания, собрался прыгать вниз. Мои ноги подгибались, тело, казалось, через мгновение рассыплется вовсе. Хотелось упасть на землю и больше никогда не подниматься с нее. До меня наконец-то добралась правда.

– Ты накачивала меня чем-то? – с претензией в голосе спросил я и повернулся к маме.

– Что? – обомлела она.

– Все эти дни я был вялым, сил не было ни на что, спать хотелось вечно. Ты подсыпала мне успокоительные?

– Это было для твоего же блага, – сказала она, виновато опустив голову вниз.

– И с какого момента?! – потребовал объясниться я.

Люди начали оборачиваться на нас и недовольно шептаться между собой.

– Тише! – мама поднесла ладонь к моим губам. – С тех пор как забрала тебя из больницы.

– И куда? – мои глаза расширились. – В напитки, еду?

– Во все понемногу, – переступала она с ноги на ногу. – Ты бы не стал пить их сам, поэтому мне пришлось. Они правда помогали тебе, за все время ты даже улыбнулся пару раз.

– Ага, а еще меня чуть не убила комната, а затем и я себя сам, – промычал я себе под нос. – Ты невообразима, мама!

– Веди себя спокойнее, мы все-таки на похоронах.

– Так что же, я не спокоен? – язвительным тоном спросил я. – Сегодня забыла еду мне отравить, да?

– В, что с тобой такое? Почему ты так себя ведешь? Сейчас не время для выяснения отношений!

После этих слов раздался глухой звук. Гроб поставили на землю перед ямой, затем начали читать молитву.

В своих словах она оказалась совершенно точно права. Время для демонстрации своих претензий было совсем неподходящим. Эмоции уже в который раз одержали надо мной верх и властвовали над моим поведением.

Кладбище наполнилось безмолвием. Переговаривающиеся между собой люди полностью замолчали, их лица в миг, как по заказу, наполнились печалью. Говорил лишь священник, одетый в белый подрясник, точнее, запевал похоронную молитву, что разносилась пронзительным эхом по всему кладбищу. Кадило в его руке поднималось снизу в верх, издавая гремящий звук цепи, заполняя густыми облаками благовонного дыма пространство вокруг гроба.

– Смотри-ка, в закрытом будут хоронить, – зашептала пожилая женщина в платке, стоявшая в метре от нас.

– Ага, ага, – отвечала ей вторая, обернутая шалью. – Со всем видимо живого места не осталось на девчушке.

Чем громче звучала молитва, тем более душераздирающими становились рыдания вокруг. Некоторые эмоциональные родственники кричали навзрыд и падали на колени в сырой песок. Мужчины покрупнее подавали им руки, подни-

мали, прося срочно успокоиться, однако после их слов истерики продолжали бушевать с еще большей театральностью.

Я перевел взгляд на родителей М, к которым так и не решился подойти из-за нехватки смелости. Несмотря на убедительные слова мамы о их отношении ко мне, чувство вины все равно пожирало меня изнутри. Они стояли рядом друг с другом, взявшись за руки, выпрямив спины ровно. На их лицах не читалось ни единой эмоции. Их взгляды устремились в одну точку и ни разу не перевелись на кого-то еще. Казалось, происходящего они просто не замечают, лишь борются с собственными демонами в голове, не давая им победить себя и показав этим самым слабинку. Совершенно определено, градус стресса, переживаемого ими в эти дни, был настолько чувствителен и высок, что, вероятно, мне и не понять вовсе. Хоронить собственного ребенка, стать наследником его юности – самое кошмарная участь любого родителя. Тем не менее, они находили в себе силы справляться и держать себя достойно. Я испытывал искреннее уважение к этим людям, а так же собственную никчемность к самому себе, ведь не мог сказать им о том, какие же они замечательные и удивительные люди.

Священник закончил читать молитву. Могильщики начали забивать гвозди в гроб. Я заткнул уши, пытаясь не слышать этого, но у меня не получалось. Каждый удар молотка откликался болью в сердце. Затем они обвязали его вокруг веревкой. Пару раз проверили надежность крепления

и, надев рабочие перчатки, подняли его и понесли прямоком к яме. Опускали они его аккуратно, старались не повредить. Люди длинной очередью потянулись к яме, чтобы бросить по три горсти земли сразу же после того, как первыми это сделали родители. Все крики и стонущие рыдания утихли. Тишину разрезали лишь хлипкие звуки топающей обуви по грязи.

Взяв в руки лопаты, мужчины начали засыпать яму песком и формировать могилу. К ним поднесли могильный крест терракотового цвета, который они установили позади. По окончании, они сформировали земельную горку, на которую поставили фотографию М в рамке. Ее полностью завалили цветочными венками разнообразной палитры пестрых цветов, выражая этим свой траур. На черных ленточках виднелись золотистые надписи: «С глубокой скорбью, одноклассники», «Печаль и скорбь не выразить словами», «От родных и близких», «Помним, скорбим».

Постепенно все начали расходиться по сторонам, собираясь на поминальную церемонию. Кладбище заметно пустело. По какой-то причине с уходом людей мне стало спокойнее и легче дышать.

– И нам пора, – сказала мама, аккуратно взяв меня за рукав плаща.

– Давай еще постоим, – настоял я.

– Давай хотя бы подойдем ближе. Все ушли.

– Я хочу один. Оставишь меня?

– Хорошо, я подожду тебя в машине. Потом мы точно поедem сам знаешь куда. Поэтому давай не долго.

– Угу.

Мама направилась к выходу, утопая своими каблуками в лужах грязи. Я наблюдал за ее медленно удаляющимся силуэтом до тех пор, пока он полностью не растворился в тумане. Оставшись в полном одиночестве, под назойливое карканье кружащих в воздухе ворон я начал идти к могиле. Когда мне оставалось пройти пару метров, выразительный взгляд М на фотографии встретил меня, заставив замереть на месте. Издалека не было понятно какое ее фото выбрали оставить здесь. Теперь мне удалось его разглядеть.

Однажды в художественной школе ей дали задание написать картину, чтобы отправить на конкурс. Для участия в нем требовалось прикрепить рядом со своей работой собственную фотографию. Тогда она, возникнув из ниоткуда, в панике подбежала ко мне на улице возле школы.

– Ты же, В, правильно? – схватила девушка меня за плечи. – Мы в одном классе учимся.

На ней идеально сидело легкое ситцевое платье в мелкий цветочек. Летний наряд цвета спелой вишни слегка оголял колени и вынудил меня оробеть. Глаза и все лицо было накрашено довольно ярко, но это не показалось мне чем-то вызывающим. Броский макияж лишь подчеркивал ее непревзойденную внешность. Она выглядела как красивая девушка с интернет-картинки, которая вряд ли когда-то заговорит

с тобой. Но я решил попробовать и общаться при этом спокойно, оставить волнения своего сердца в тайне, не давать волю эмоциям, чтобы в будущем мысли об одной лишь даже мимолетной встрече с ней заставляли меня задыхаться.

– Здорово, что ты запомнила моя имя спустя год, – максимально безразлично попытался ответить я. Ходят слухи, что девочкам такое нравится.

– Да-да, мне говорили, что ты не умеешь шутить, знаю! Мне нужна твоя помощь!

– Кто это тебе такое сказал? – нахмурился я. – Впрочем, не имеет значения. Какая помощь требуется?

– Пошли со мной в лес! – попросила она с выпученными глазами, схватив меня за руки.

– Типа... на пикник меня зовешь?

– НЕТ! – М мотнула головой и ее черные волосы вспорхнули. От их насыщенного аромата я чуть не упал в обморок. – Мне фотки нужно сделать!

– Я похож на фотографа? – спросил я, причудливо осматривая свое тело.

– Ты похож на доброго парня, который может мне помочь.

– А-а-а... друзья твои не могут?

– Друзей у меня нет, – жалостливо произнесла она. – Я ведь недавно переехала.

– Чего? Ты же самая популярная девочка в классе!

– ЧТО, ПРАВДА?! – завизжала она, улыбнулась и приблизилась ко мне.

– Ты даже не знаешь этого... – я прикрыл голову ладонью и опустил взгляд. – Ладно, пойдем.

– Спасибо! – крикнула она. – Ты такой отзывчивый!

Неподалеку от нашей школы протекала широкая река. Сразу за ней начинался огромный хвойный лес. Перейдя через железный мост над сереб্রившейся водой, мы отправились напрямик туда.

– Вот, держи, – сказала М и протянула мне сумку с фотоаппаратом.

– А давно ты рисуешь? – спросил я, после того как М, по пути, поведала для чего ей нужны фотографии.

– Сколько себя помню. Скоро закончу художественную школу и отправлюсь в свободное плавание. Хочу связать жизнь с искусством.

– Неплохо.

– Вот, смотри какая полянка! – сказала она, переступая через упавшие ветви деревьев. – Ну чудо же! Хочу здесь! Значит так, смотри, нужно включить камеру, направить на меня, а затем нажать во-о-от на эту кнопку.

– Да, я умею фотографировать. Спасибо.

– Ой-ой, какой ты молодец! Приступим!

Она начала филигранно позировать, принимая различные позы, меняя выражения лица со смешных на серьезные. Вставала возле повалившегося дерева, присаживалась на него, ложилась, извивалась как только могла. Я только и успевал опускать и поднимать камеру, ловя ее в интерес-

ном ракурсе.

– Ну, как я на фото? – поинтересовалась М, положив руки на пояс и надув губы.

– Красивая, – совершенно не думая, выдал я.

– Э-эм... я про... смазалась или нет... – смущенно проговорила она, прикрывая часть лица волосами.

– То есть... красиво... получается, вот!

– Вот и превосходно! – пропела девушка, а затем с задумчивым видом отвела взгляд чуть в сторону.

В этот момент она показалась мне особенно прекрасной. Решая не упускать момент, я направил объектив фотоаппарата на М и сразу же ее сфотографировал. Это фото было моим любимым из сделанных тогда. На нем она смотрела не прямо в камеру, а скорее на место около, словно внимательно разглядывала кого-то, но не смотрящего на нее. Подбородок был слегка приподнят, губы плотно сомкнулись в розовый бутон, а бледная кожа сверкала в лучах солнца. Роскошные кудрявые волосы сплывали на левое плечо. На контрасте с голубым цветом глаз смотрелось это сказочно красиво.

– Все, готово, – заявил я, опуская камеру.

– Дай-ка, посмотрю! – попросила она, подбегая ко мне. – О-о-о, у тебя прям талант! Вышло здорово.

– Думаю, что дело вовсе не во мне.

– В ком же тогда или в чем? Правильный свет?

– Фото не вышло бы столь замечательным, если бы на нем

был запечатлен кто-то другой, – после этой фразы мы удивленно подняли глаза и с нескрываемым интересом принялись изучать друг друга.

Внезапно меня выкинуло из омуты приятных воспоминаний в суровую давящую реальность. Лучезарная опушка леса сменилась мрачными памятниками из черного камня. На голову начали падать редки капли прохладного дождя, но уходить я пока не собирался. Глубоко погрузившись в приятное прошлое, мне захотелось остаться в нем, запереться и никогда его не покидать. Тот стал началом нашей истории. Тогда случился наш первый диалог, вспоминавшийся мною регулярно. После этого завязалось наше тесное общение. «Интересно, почему выбрали именно этот снимок? – думал я, – обычно, как правило, выбирают более строгие кадры. Вроде фото на паспорт или подобные таким.» Хотя, она являлась личностью неординарной, поэтому такое было как раз к месту.»

Дождевые капли ложились и на стекло рамки. Казалось, будто по лицу самой М в этот момент льются слезы. Не желая этого видеть, я сдвинул венки плотнее, образуя небольшую крышу из них. Затем, встав на колени, тыльной стороной ладони протер образовавшуюся влагу с ее щек.

– Красивая, – тихо зазвучал нежный голос у меня за спиной.

– Очень, – согласился я, затем опомнился и, покинув свои мысли, обернулся.

Перед могильной оградой стояла высокая незнакомка в длинном бежевом плаще, затянутом поясом на тонкой талии. Ее пепельные волосы спускались крупными локонами до пояса. Пара завораживающих глаз цвета серого дымчатого агата внимательно рассматривала меня. Внешне ей было чуть за двадцать, но смотрела она на все сорок, смотрела так, будто знает цену себе и может назначить цену тому, кто ведет с ней разговор. Тонкие острые черты лица рисовали ей образ некой невозмутимой девушки, подходящей к делам с абсолютной уверенностью в успехе. Такая внешность, как у нее, магически приковывала, заставляя любоваться каждой деталью лица, не отрываясь ни на секунду.

Вдруг длинные черные ресницы девушки захлопали, выражая немой восторг. Ее голова подобно механизму заведенной куклы начала качаться из стороны в сторону, касаясь ушами собственных плеч. На стройной шее выступили сухожилия. Тучи начали сгущаться еще больше, тьма охватила собой солнечные просветы. Листья на деревьях зашелестели, под гнетом ветра сами стволы начали наклоняться к земле в такт с головой девушки. Я почувствовал как по всему моему телу проходит дрожь от холода. Мои черные ботинки покрылись тонкой коркой льда. На коже высыпали мурашки.

– Не боишься меня? – с интересом спросила она и немного озадачилась.

– Кто ты такая? – спросил я оробевшим голосом. – Что здесь делаешь, вы дружили с М?

– Значит, он видит меня иначе, – задумчиво проговорила она, затем начала обходить могилу по кругу. – Куда более важное узнать... кем же сейчас являешься ты.

– Я тебя не понимаю, – пожал плечами я, пристально следя за ее вальяжной походкой. В каждом движении тела проглядывалась наигранность. Мне показалось, что девушка собиралась посетить театр, а вместо этого заплутала на кладбище.

– Вот и я тебя совершенно не понимаю, В. Недавно ты ходил по краю, а сегодня уже стоишь здесь. Определись уже наконец.

«По краю?» – подумал я и вспомнил треск рвущегося капюшона.

– Откуда тебе известно мое имя? Что это вообще за...

– Какой нетерпеливый! Хм, истина откроется тебе скоро, подожди. Попрошу ответить, но только без свойственных тебе истерик. Скажи, кем для тебя была эта девушка?

– Знаешь, мне несвойственно отвечать на подобные вопросы подозрительным незнакомкам.

– Можешь звать меня Ю, – представилась девушка и покрутила золотую серьгу на мочке уха. – Раз теперь мы знакомы, вернемся к моему вопросу.

– Любимой... она была моей любимой! Теперь ты довольна?

– Интересно, а как это? – прошептала она и ненадолго ушла в свои мысли, приложив ладонь к щеке, словно пы-

талась ее согреть. — Так что же, ты и правда готов отдать за жизнь этой девушки все, что у тебя есть, без остатка?

Незнакомка только что обнажила мои мысли, процитировала их с улыбкой.

— Но... как ты?

— «ВСЕ, что у меня есть, когда-то было, и еще будет в будущем».

— К-как ты узнала... о чем я думал? — недоумевал совершенно я. Мои губы затряслись, тело пронзил страх. — Т-ты... ведьма какая-то или что?

— Это выше моих сил! — Ю закатила глаза и подняла голову к небесам. — Так меня еще никто не оскорблял...

— Отвечай на вопрос! — не выдержал я и закричал. Меня бросило в агонию злости из-за того, что она залезла в мой разум и начала потешаться. Да и как вообще она в него залезла?

— Ну, ты громко думал, — читая мои мысли, ответила она, — вот я и услышала твои искрометные думы. Даже не смей спрашивать меня: «как, зачем и почему?» Просто наберись смелости и ответь: правда ли это? Готов ли ты пожертвовать абсолютно всем, что имеешь, каждой счастливой проведенной в будущем минутой в этом мире, приносящим тебе ранее столько радости и восторга? Оставить все те прелести, что имеешь здесь, потерять то, чем дорожишь ради М, ради жизни с той, кого всем сердцем любишь, в каком бы мрачном свете эта новая тяжкая реальность не предстала перед

тобой, ведь главное для тебя, чтобы она жила. Все верно?

– Я не знаю для чего тебе это, – тихо проговорил я и на секунду задумался, – но будь у меня возможность вернуть ее, я бы и правда сделал это.

– Так, скажи же это, – улыбнулась Ю и сократила расстояние между нами до непозволительного.

Ее мистические глаза смотрели прямо в мои. Казалось, что они глядят намного глубже, чем я только мог себе представить, проникают в мою душу и спокойно разгуливают по ней.

– Да, – невольно сорвалось с моих губ. Из рта внезапно повалил морозный пар. – Я готов отказаться от всего, что имею сейчас, если М будет рядом.

– Да будет так! – ее руки сложились в замок, она сделала шаг назад и закрыла глаза. – В непроглядной мгле, иль при свете дня, пусть миру воля явится сия, заберет покойный сон и жизнью их наполнит взор!

– И что все это знач... – не успел я договорить, как вдруг меня охватила разрывающая головная боль.

Уши пронзили громкие крики: плач и стоны женщин, визг детей, мужские измученные вопли – все они осадили меня градом непрерывных голосов. Они молили о пощаде, просили о спасении, слезно требовали не забирать их покорные души раньше времени. В этот момент мое тело замерло, как если бы его заключили в цепи. Я не мог пошевелить ни одной частью тела. Прилагая силы, пытался из раза в раз от-

крыть глаза, но каждая попытка оканчивалась крахом. Их будто склеили. Безграничных потоков яростных речей вскоре стало куда больше, чем мог воспроизвести мой мозг. Тысячи, миллионы, может, миллиарды различных людей оглушали меня со всех сторон. Из крошечной темноты вырисовывались ведения. Повсюду начали возникать силуэты и образы, похожие на человеческие. Скачущие всадники на конях топтали заживо всех, кого только видят. Сверкающие мечи срубали головы, перерезали глотки. Раненые пытались ползти в надежде спастись. Стрелы лучников протыкали насквозь треснувшие доспехи, добираясь до тел. По моей коже скатывался пот, каждая клеточка тела адски пылала. Мне думалось, что вот-вот весь белый свет запросто расплавится и не останется вообще ничего.

Вдруг все окружающее пространство мигом погрузилось в тишину. Чудовищные сражения и смерти сменились ночной цветочной долиной под чарующим звездным небом. Над алыми розами, источающими упоительный аромат, кружили голубые бабочки, с их крылышек сыпалась блестящая пыльца. Потоки воды водопадом спадали со скал, красиво сияя в сапфирном свете, и впадали в прозрачное озеро. Неподалеку, на подошве горы, расположился аккуратный деревянный домик, с трубы которого выползал слабый дымок. На пороге избы сидели старики и рассматривали вереницу детишек, собирающую хворост для костра. Они подбрасывали веточки в огонь, завывая мотивы народных песен.

Позади меня послышались приближающиеся шаги, шелестящие по траве.

– Привет, – мелодично зазвучал до боли знакомый голос.

Я обернулся и передо мной в белой кружевной накидке предстала М. Босиком она подходила все ближе, наступая на свежие капельки росы. На лице сверкала счастливая улыбка. По всей видимости, ей было радостно меня видеть. Подойдя ко мне, она сразу же потянулась к моей руке, взяла за запястье и приложила мои пальцы к своей щеке. Я почувствовал приятное тепло от нежной бархатной кожи, проходящее напором по всему телу, когда она прильнула лицом к моей ладони. В серебристом свете луны обескураживающие черты ее лица выделялись живописными изящными линиями.

– В, теперь мы и правда останемся с тобой вместе навсегда, – самые желанные мною слова были сказаны ею, девушка кинулась обнимать меня.

– Неужели... снова сплю? – спросил я в страхе проснуться. Мои руки были опущены по швам, в то время как М вцепилась в меня, обхватив спину, и не выпускала из объятий. Все прикосновения ощущались, как если бы наяву. Однако, почувствовать ее вновь казалось мне бесценной роскошью. Такой бесценной, что такого просто не могло произойти.

– Нет, дурачок, ты не спишь, – моя грудь ощутила на себе тепло ее дыхания. – Ты стоишь на моей могиле.

Резкая жемчужная вспышка света озарила всю щебечу-

щую долину и заставила меня зажмуриться. Прозвучал протяжный свистящий шум, похожий на гул сирены, после чего все испарилось. Открыв глаза вновь, передо мной возник сгусток тучных облаков. Лицо поливали капли проливного дождя. Спина начала жутко болеть – под ней ощущалась твердая поверхность. Мое состояние было похожим на то, когда человек только проснулся и вяло потягивается, разминая тело. Немного придя в себя, я понял, что лежу на улице, весь вымокший, холодный.

Резко вскочив, увидел стальную лавочку, на которой очнулся. «Но ведь... это же не кладбище, – думал я, – Где та девушка Ю? Она так странно говорила. Можно подумать, что читала меня, как открытую книгу, при чем даже не читала, а перечитывала уже в который раз. С ее присутствием в воздухе воцарился холод, пробирающий меня до костей. А что же М? Ведь сразу понял, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Что вообще со мной происходит? Наверное, упал в обморок, все это привиделось мне. Затем кто-то нашел меня без сознания и перенес сюда. Хотя... почему именно сюда?»

Внимательно осмотревшись, сориентировавшись, я догадался, что эта скамейка стоит возле дома, который находился в сотне метров от моего собственного. Последние дни со мной явно происходило что-то необъяснимое. Все эти ведения, возникающие из ниоткуда; моя переменчивость в настроении; нервные срывы; давящие стены сжимающей-

ся комнаты; и наконец-то этот ненормальный диалог возле могилы. Становилось сложно отличать реальность от сновидений и галлюцинаций. Не было никаких гарантий, что даже в данный момент мне все это мне не кажется. Как только приду домой, попрошу маму больше не поить меня успокоительными. Вероятно, всему причиной служило их побочное действие, думал я.

Ливень понемногу прекращался, небо заметно прояснялось, свет проглядывал между слоистых облаков. Полностью вымокший, с прилипшей к телу одеждой, под лучами бронзового солнца, вдоль цветущих клумб, я лениво перебирал ногами по сырому тротуару в направлении дома, хлюпая переполненными водой ботинками. Идти было совсем недалеко. Обойдя здание, необходимо повернуть за поворот, затем невзрачная серая многоэтажка, которая теперь была мне не мила, появится в своем угнетающем виде.

Время, видимо, перевалило за вторую половину дня. На улице было довольнолюдно и шумно. В магазине через дорогу у витрины копошились продавцы. По округе раздавался смех ребят, возвращающихся со школы, мамочки возили в коляске плачущих детишек по территории детской площадки. С проезжей части доносились вопли нервных водителей и омерзительные для моих ушей гудки их сигнализирующих машин.

– Мама, мама, смотри! – крикнула маленькая девочка за моей спиной. – Водяной идет! У-у-у, страшила!

– Здравствуйте, – поздоровался я, признавая в ребенке и женщине своих соседей по лестничной клетке.

– Ходят тут странные всякие, детей только пугают, – заворчала мама девочки, отворачивая ее рыженькую голову от меня. – Пойдем, дорогая!

– Уже как восемнадцать лет ходят тут вообще-то, – недовольно пробормотал я.

Никакого внимания моим словам они не предали. Лишь засверкали пятками в противоположном направлении. Решив, что и мне тоже пора, я ускорил шаг и, оставляя мокрые следы позади себя, завернул за поворот.

Возле собственного подъезда какой-то прохожий одарил меня косым взглядом. Мне же хотелось лишь поскорее зайти домой, скинуть с себя всю одежду, а затем отправиться в ванну. Дверь домофона была открыта нараспашку, придвинутая кирпичом к углу. Повезло и с лифтом, в который мне удалось проскользнуть боком за секунду до его закрытия.

– Здравствуйте, – кивнул я стоящему в углу мужчине, держащему на поводке собачку с высунутым язычком.

– О, добрый день, молодой человек! – приветливо поздоровался он. – Вам на какой этаж?

– Седьмой, как всегда, – буркнул я, вопросительно посмотрев на него.

– Как всегда? Вы к нам только переехали? Что же, раз так, полагаю, теперь вам всегда на седьмой. Правильно понимаю вас?

– Только переехал? – насторожился я. Черт, может, подъездом ошибся и зашел не в свой. Ну я и придурок.

– Вы не переживайте! Мы с женой на восьмом живем. Так что, соседями почти будем. У нас отличный дом, все очень добры и приветливы друг к другу! Взять вот, к примеру, пятый этаж, так там вообще одна интеллигенция обосновалась, знаете ли, каждый второй музыкант, а вот на шестом вообще скульптуры осели с актерами театра драмы на пару. Ох, театр! Давно мы с супругой на спектакль не выбирались, пора исправляться, согласны? А, кстати, с девятого недавно алкоголиков всех выселили, так дышать легче стало, ей богу! А то орали ночи на пролет, ух! Как с дурдома сбежали, клянусь! О-о, вот и ваш этаж, прошу. Счастливого вам дня!

– В-всего доброго, – ошарашено ответил я, задержав на нем ненадолго свой изумленный взгляд, а затем вышел из лифта.

Он на прощание помахивал мне ручкой до самого закрытия дверных створок. Неразбериха в голове, по окончании этого мимолетного диалога, становилась еще куда более запутанной. Мне всегда казалось, что у нас в доме никогда не жили ни музыканты, ни скульптуры, да и вообще других деятелей культуры тоже вряд ли бы удалось отыскать. Можно предположить, что у это дядьки потеря памяти случилась, все-таки возраст берет свое. Именно поэтому меня вспомнить ему не удалось. Еще приветливым таким был, милым... точно с головой проблемы.

Череди удивлений и новых открытий продолжилась. Я подошел к своей квартире и сразу заглянул под горшок с цветком в поиске ключа. Его там не оказалось. Тогда мне пришлось постучаться, потому как звонок у нас был сломан. За дверью затоптали приближающиеся шаги. Замок с щелчками начал открываться и дверь открылась.

– Здравствуйте, вы что-то хотели? – спросила мама, выглядывая в белом пушистом халате и тапочках. На ней были очки, а в руках газета. – Слушаю вас.

Меня охватила злоба.

– Вообще-то, знаешь, это мне хотелось бы послушать, куда ты делась, почему уехала с кладбища?

– А-а-а, что-что, простите? – удивленно спросила она, тербя прядь волос между пальцев.

– Ты сказала, что будешь ждать в машине. Потом я вырубился возле могилы, а пришел в себя уже на лавочке. И вообще, с каких пор ты носишь очки? Они тебе не идут.

– Молодой человек, с вами все в порядке? – спросила мама, подтягивая оправку очков выше к носу. – Какое кладбище? Вы может квартиру перепутали? Даже если так, попрошу мне не тыкать, ведь я явно постарше вас буду. Вы куда шли вообще?

– Мам, ты тоже решила принять те успокоительные, которые мне подсыпала? Вижу действовало, но тоже с побочным эффектом.

– МАМ?! – раздался оглушительный крик на весь подъ-

езд. Мои ноги даже слегка подкосились. – Значит просто пьяный... это вам на девятый этаж подняться надо! Там вам помогут, ступайте!

– Стой! – остановил я рукой закрывающуюся дверь. – Если это шутка, то она сильно затянулась! Впусти меня уже домой!

– Молодой человек, отпустите быстро! – мама дергала ручку на себя. – Я сейчас полицию вызову.

– Хочешь оставить мокрого сына на улице? – промычал я, сражаясь с ней за дверь. – Не самый лучший материнский поступок!

– Какого к черту сына?! У меня не было его никогда!

После этих слов по всему телу пробежала дрожь, словно меня ударили электрошокером. Сразу же вспомнилась соседка с ребенком на улице, мужчина в лифте – они оба думали, что мы видимся с ними впервые, но это определено было не так. Эти люди знали обо мне всегда, каждый день здоровались и с удовольствием говорили со мной.

– То есть, ты не знаешь меня? – ошарашенно спросил я, делая шаг от двери.

– Впервые вижу! Ступайте уже отсюда!

– Но... м-мам, как же так? Прошу, скажи, что ты шутишь... мне уже страшно становится.

– У МЕНЯ НЕТ СЫНА!

– Я-я... Я сейчас докажу тебе, подожди секунду, – моя рука полезла в карман за телефоном. – Черт, где же он! Сей-

час покажу тебе фотки, тогда ты все вспомнишь. Вспомнишь... как порезалась на море об ракушку и попросила это сфотографировать, вспомнишь как научила меня подделывать твою подпись в дневнике, чтобы я расписывался сам и вспомнишь как заставляла меня смотреть «Сумерки», да, вспомнишь. Только вот найду телефон... и покажу.

– Счастливых поисков!

Дверь резко захлопнулась прямо перед моим носом.

– Эй, открой! – мои кулаки начали долбить в дверь.

– Алло, здравствуйте! – затараторила она нервным голосом за дверью. – Все верно, дом 16, подъезд 3, этаж 7. Умоляю, приезжайте как можно скорее... да парень какой-то, то ли пьяный, то ли под веществами, не поняла еще.

Мама вызывала полицию и носилась по квартире в поисках чего-то. Топот ее ног доносился отчетливо. Малейшая надежда на то, что это был всего-навсего глупый розыгрыш развеялась сразу же. Никто из соседей меня не узнал, включая родного человека. Я схватился руками за голову, шокированный, опустился по стене и сел на плитку. Начал бить себя по щекам, пощипывать в надежде проснуться или выйти из этого затянувшегося видения. Но никакой белой вспышки не возникало, в новую красочную локацию мое тело чудным образом не перемещалось. Мир оставался неизменным: ни один человек меня не узнает, а собственная мать еще и вызвала полицию. Необходимо было срочно уходить отсюда.

В строении нашего дома имелось два входа, соответствен-

но и выхода: первый – главный, которым все жильцы пользовались регулярно, второй – запасной, оставшийся со времен постройки дома, служивший работникам удобным проходом для перемещения строительных материалов. После того как здание возвели второй вход никто заделывать не стал, поэтому он начал использоваться людьми для более быстрого выхода к автобусной остановке. К нему невозможно подъехать на машине, так как все вокруг перегорожено забором с небольшой калиткой, открываемой изнутри. Такой путь для отступления был самым подходящим. Не имея ни малейшего желания попасться полиции на глаза, я спустился в левое крыло и воспользовался вторым выходом.

С всепоглощающей опустошенностью внутри, со слипающимися глазами и полным отторжением реальности я еле-еле перебирал ногами в неизвестном направлении, чертя обувь по земле. Мне было попросту неведомо куда можно отправиться, когда у тебя больше нет дома, в который бы ты мог пойти в любой сложной ситуации и найти в нем свой покой. Отсутствовало и понимание как подобное вообще могло произойти, кроме как не в бредовом сне. Вдобавок ко всему, телефон кармане так и не нашелся, поэтому позвонить было некому. Хотя, даже окажись он там, на другом конце провода все равно бы ничего вразумительного не ответили, потому что совершенно никто меня не знал.

Мое существование стерли с лица земли. Окончательно я в этом убедился, когда несколько часов подряд носился,

как заведенный, по своему району в поиске знакомых людей. Когда находил таковых, то просил рассказать обо мне что-то, что угодно, хотя бы имя назвать. В ответ они лишь смеялись, а некоторые и вовсе убегали в страхе, думая, что встретили какого-то городского сумасшедшего.

До самого наступления вечера я бесцельно бродил кругами по улицам города, опьяненный, словно в лихорадке, способный в любой момент повалиться на землю и отключиться из-за упадка сил. Эмоциональный фон упал ниже плинтуса, вызывая пассивность, апатию и потерю желания существовать в таком страшном мире вовсе. Солнце полностью село за горизонт. Город погрузился в сумеречную темноту. Одежда так и не высохла, поэтому я до дрожи замерз. Чувство голода вызывало головную боль, а живот неистово кололо. Окончательно потеряв последние силы, я повалился на найденную скамейку в городском парке под деревом.

М, мама, одиночество, разобщенность самого себя – все это разбивало мне сердце на крохотные осколки, отыскать и собрать которые воедино не представлялось возможным. Единственное, чего мне хотелось: просто увидеть их радостными рядом с собой, улыбающихся мне от всей души, не знающих печали, тревоги, главное – помнящих меня. Теперь невозможно лицезреть не то что их, а даже свою собственную жизнь. Все, чем я когда-то дорожил, что нежно любил, затерялось в пучинах прошлого. Глаза были на мокром месте, но заплакать не получалось. Я опустился к коленям и за-

крыл голову руками, пытаясь скрыться от мимо проходящих людей.

– Эй, милоч, а, милоч! – обратился ко мне высокий голосок. Подняв голову, я увидел старушку лет семидесяти. На ней красовался сиреневый пиджачок и соломенная шляпка, украшенная искусственными цветами и атласной лентой. Женщина тянула за собой кожаную сумку-тележку на колесиках, другой рукой опиралась на клюшку. – У тебя не занято, присесть позволишь?

– Садитесь, – кивнул я, протирая глаза.

– У-ух, весь день по магазинам гуляла. Устала, аж ноги немеют, ой-ой. Сейчас пару минуток дух переведу, потом домой надобно бежать. Кошка то некормленная. А ты чего такой смурной сидишь?

– Даже не знаю... как и сказать.

– Ладно уж, в душонку глубоко лезть не буду, – улыбнулась она. – Ранимые вы все стали в этом веку. Подружку небось потерял?

– Гмм... ну, – выдавил я из себя отвернувшись в сторону, пытаюсь не расплакаться при ней.

– Права значит.

– Вообще... все. Я потерял все.

– Тьфу! Небылицы какие рассказываешь мне. Вздор, да и только! Нельзя потерять все. Такое только дуракам под силу.

– Вероятно, я один из них.

– Не может быть! В глаза смотрю твои красенькие, да вижу – умненькие они у тебя, да. Потерянные только не чуточку, как у младенчика, но умненькие.

– Умные? Вам лишь кажется, думаю.

– Что-что, а вот людей то за жизнь я понимать научилась, поверь. Много чего повидала.

Неясно почему, но я отважился и задал ей вопрос:

– Тогда ответьте, пожалуйста, как найти то, чего больше не существует вовсе?

– Вопрос интересный! – женщина улыбнулась и приободрилась, словно была учительницей, услышавшей от ученика что-то дельное. – Но правильно ли поставленный, мой дорогой? Уверен ли ты, что вовсе не существует того, что хочешь найти?

– К сожалению, уверен.

– Или же думаешь только так! – махнула она пальцем. – Знаешь, приведу пример: вот я с возрастом многое начала забывать. Как пообедаю всегда тянет газетенку почитать. Хватаюсь за нее, а очков и нема на полочке, где оставляла. Ношусь, ношусь, ищу их по дому, шуршу везде и всюду. Ну, никак не получается найти! Уставшая, присаживаюсь на креслице волосики поправить. Ну а чего лохматой ходить? Щупаю маковку свою, а ОНИ-ТО НА ГОЛОВЕ И БЫЛИ! Вот тебе и анекдот! Хе-хе!

– Вы хотите сказать, что...

– Да, милый мой, да! Часто то, что мы усердно пытаемся

отыскать вдалеке, переворачивая весь мир вверх дном, оказывается подле нас же самих. Нужно лишь немножко раскрыть глаза. Тогда и найдешь, что ищешь. Быть может, где и оставил.

Женщина широко улыбнулась и взлохматила мои волосы.

– Думаю, это имеет смысл, – попытался взаимно улыбнуться я. – Спасибо вам.

– Не благодари, сущие пустяки! – сказала она, тяжело поднимаясь со скамейки.

– Уходите?

– А чего же, пора мне!

– Что же, всего доброго вам.

– Хе-хе-хе, – пискляво рассмеялась она. – Нет уж, это тебе всего доброго, милоч. Ах... кое-что забыла! Ты запомни мудрость одну: на кладбище мы приходим, чтобы навестить души покойные, а не свои открывать людям чужим. Уяснил? А особенно всяким проходимкам седовласым!

– ЧТО?! – удивился я, широко раскрыв глаза. – Вы про Ю? Она не привиделась мне, правда существует? Как мне...

– Смотри-ка, у тебя из кармана выпало! – указала она пальцем на землю.

– Выпало? – я опустил вниз. В ту же секунду все фонари в парке разом погасли.

Когда свет снова включился старушки напротив не оказалось. Я сидел в полном одиночестве. Осмотрелся по сторонам, но ее уже не было даже не асфальтных дорожках, веду-

щих к выходу из парка. Безусловно, такое внезапное исчезновение меня удивило, но далеко не так сильно, как если бы это случилось, например, двумя днями ранее. Самое страшное, что к подобным странностям привычка у меня постепенно начала вырабатываться.

Ей откуда-то известно про кладбище. Наверняка и о многом другом, включая Ю. Не могло же сказанное оказаться просто совпадением. Точно не сейчас. В совпадения больше не верилось. Она явно не была просто обычной прохожей. Но кем? «Подружку что ли потерял? – спрашивала она. – Нужно лишь немного раскрыть глаза. Тогда и найдешь, что ищешь. Быть может, где и оставил.» Несколько минут я сидел, пытаясь в правильном порядке расставить по полочкам каждое слово, чтобы найти смысл хоть в одном.

Могло ли потерянное мной отказаться самой М, мамой или всей прошлой жизнью? Скорее всего, конечно же, нет. Однако, даже не попытаться проверить эту теорию показалось поступком глупым. В голову закралась чистая, светлая мысль о том, что она имела в виду именно это или же хотя бы то, что мне удастся найти кого-то, кто меня еще не забыл в этом мире. Тогда я решил не сидеть на месте, а срочно отправиться в путь. Выбор пал между кладбищем и домом. Ближе располагался дом – именно туда ноги, позабыв об усталости, и понесли меня.

Глава 3

Чернокрылый легион

Я пустился бежать что есть силы к собственному дому, преодолевая сырые подземные переходы и минуя пешеходные дорожки, напроочь позабыв о тревожном состоянии, которое угнетающе парило в воздухе весь день. Мелькнул крохотный лучик надежды, вселяющий каплю уверенности в том, что еще остался шанс отыскать того, кто меня не забыл. Это значило, что моей обязанностью было воспользоваться этой подаренной возможностью. Оставлять все как есть никак нельзя. Мой разум попросту свихнется от пустого и одноцветного мира, в котором места мне не уготовано. Таким образом, пришлось бы всю оставшуюся жизнь провести на улице, не имея при себе ни денег, ни документов, ни даже крыши над головой – такой скверной участи отнюдь не хотелось. Подобные мысли гнались из головы прочь. Случайная встреча с незнакомой женщиной в парке, у которой я даже не удосужился спросить имени, подарила мне подсказку. Вместе с тем, вернула уверенность в собственных силах парой фраз.

Весь взбудораженный, с частым надрывным дыханием, взъерошенными от ветра волосами, я стремительно приближался к дому, проникая через всепоглощающую темноту,

что царила на моей улице. Каждую неровность в виде каменного бугорка, выступа, скрытую лужей выбоину с легкостью удавалось перепрыгивать, зная в округе абсолютно все. Проведя здесь все детство, ориентироваться в потемках становилось просто, поэтому добраться удалось самым кратчайшим путем.

Тишину возле дома разрезал свойственный этому месту треск сверчков и одиноко поющий вдалеке соловей. Однако, как ни странно, с моим приближением к подъезду все посторонние звуки, как по взмаху волшебной палочки, вдруг стихли. Одинокий фонарный столб, единственно горящий, вдруг заморгал над моей головой. Все вокруг то исчезало во тьме, то вновь появлялось уже в ином свете. Воображение начало играть со мной: ровно стоящему дереву оно подрисовывало желтые глаза, выглядывающие из листвы, шорох травы слышался звуками крадущихся шагов позади, свист ветра представлялся мне завыванием чудовища.

В последние дни происходила череда различных странностей, поэтому все эти причуды вполне могло бы оказаться и реальностью. Тем не менее, никого здесь не было. Это казалось мне удивительным, поскольку для себя я твердо решил, что именно здесь меня ждут ответы на все вопросы. Ведь на этом проклятом месте погибла М, а также мама, не узнав меня сегодня, стала мне незнакомкой. Здесь они обе ушли из моей жизни. Исходя из того как растолковались мной слова той женщины, именно здесь им и суждено появиться, по-

добно ее потерянным очкам на голове.

После получаса внимательных осмотров каждого закоулка и обходов вокруг дома никого, кроме бродящих псов обнаружить не удалось. «Никого здесь нет!» – подумал я, поддавшись желанию уйти отсюда.

Внезапно мигающий фонарь погас окончательно и больше не включался. Последними источниками света стали столпы рыжих искр, вспыхнувшие в натянутых между домами проводах. От них пошел легкий дымок, затем весь двор погрузился во мрак. Свет в окнах домов тоже погас.

Густые клубы тумана начали появляться прямо из земли, окутывая собой последние видимые объекты. За считанные секунды все погрузилось в беспросветные серые облака, скрывающие даже почву под ногами. По всему телу пробежали мурашки, кожу охватило морозом, совершенно несвойственным майской погоде. Остатки воды в лужах моментально застыли и покрылись твердой коркой льда. Тяжело дыша, выпуская пар изо рта, потирая замерзшие руки, я начал оглядываться по сторонам, осторожно переступая с ноги на ногу.

Совершенно неожиданно в ушах зазвучал короткий женский возглас, вызывающий во мне волнение, откликнувшийся приятным трепетом в глубине моего сердца. Спустя пару мгновений это повторилось вновь. Моя голова, как заведенная, крутилась по сторонам в поиске этого звука, но никак не могла отыскать его источник. Он исходил отовсюду сразу. Осторожными шагами, на ощупь, я начал передвигать-

ся по тротуару. Минуя бордюр, оказался на проезжей части. Делая следующий шаг, моя нога замерла в воздухе. Кровь застыла в жилах. Прямо за моей спиной отчетливо доносились прерывистые стоны и горький девичий плач, переходящий на сильные всхлипывания. Резко повернувшись назад, я увидел, что на небольшом кусочке асфальта завеса тумана начала слегка рассеиваться, приоткрывая мне вид на израненные бледные ноги в оборванных штанах, лежащие коленями вместе на земле. По ним плуральными каплями стекала кровь гранатового оттенка, выделяемая из глубоких порезов на коже, смешивающаяся с грязью. Ткань порванной футболки развевалась на ветру и, слегка приподнимаясь, позволяла увидеть многочисленные рваные раны на животе и груди. Девушка измученно склонилась головой вниз, с трудом опираясь о землю перепачканными грязью руками. Ее учащенное дыхание, издаваемое с усилием, заметно трясло и покачивало тело. Беспорядочные черные волосы, что прятали лицо, начали мотаться из стороны в сторону, ложась кончиками на пушистый иней. Моя нога невольно дернулась со слышимым шорохом. Услышав его, она сразу же встрепенулась, подняла свой дикий взгляд лазурных глаз, и пугающе начала смотреть на меня снизу вверх.

– М?! – в изумлении спросил я, слегка пошатываясь. Ко мне вернулось желание жить и, кажется, начало обрастать надеждой на счастье.

– Ч-что... В? – с заставшими слезами на щеках, превра-

тившимися в льдинки, утомленно спрашивала она. – Ты видишь меня? Можешь видеть?

Каждое движение давалось ей с мучительной болью, выраженной в криках и столах.

– Тише, не шевелись! – просил я, подбегая и садившись рядом с ней.

– Боже мой, В, В! – кричала М, кинувшись на меня, и, обхватывая ледяными руками шею, прильнула к моей груди.

– Все-все, тише-тише. Теперь все будет хорошо! – максимально осторожно, боясь ей навредить, я обнял ее в ответ и утонул лицом в ее мокрых волосах.

– Мне было так страшно! Никто меня не видит, никто! Слава богу, этот страшный сон закончился!

– Нет, нет! Я тебя вижу! – мои руки аккуратно гладили ее голову.

Она неистово тряслась в моих объятиях, словно птичка, у которой не получается взлететь.

– Я словно... ц-целую вечность уже хожу по этой дороге и не могу уйти с нее! – говорила М сквозь слезы. – К-как бы быстро и далеко не бежала все равно возвращаюсь с-сюда же!

В моей голове в ускоренном темпе начинал рисоваться план того, что же делать, куда нам бежать. Для начала, как минимум, необходимо было срочно убратсья с дороги.

– Мне надо срочно увести тебя отсюда!

– НЕТ-НЕТ! – кричала она, хватаясь за меня еще сильнее прежнего.

– Но, М, твои раны... их нужно обработать!

– Ничего мне не нужно! – яростно закричала она, а потом сразу же перешла на спокойный голос: – Просто будь со мной... просто будь со мной! Я наконец-то чувствую тепло! Любимый, я чувствую его, когда ты рядом! Мне уже ни чуточки не больно, правда!

– Мы всегда буду вместе, обещаю! – сказал я, смотря в ее глаза, пылавшие любовью и страхом. – Вот только сейчас нам правда надо идти! Я спасу тебя... в этот раз точно спасу!

– Все равно ничего не получится. Я нахожусь в замкнутом круге: каждый раз возвращаюсь в то место откуда пришла.

– Вдвоем мы все преодолеем, слышишь? А сейчас дай взглянуть на твой живот!

– Х-хорошо, – сказал она, отодвигая край футболки, стиснув зубы. По какой-то причине кровь остановилась, застыла, а сами раны стали в разы меньше. – Удивительно, даже почти не болят. Но... как?

– Ты же сказала, что ни чуточки не болят!

– Н-ну...

– Скоро совсем затянутся, – женским голосом сделал заключение кто-то третий справа от нас.

По кромке льда модельной походкой зашагала длинноногая девушка в колготках, обутая в графитно-черные ботильоны на тонком каблуке. Подойдя ближе, она сняла меховой капюшон бурой шубы с головы и явила нам свои пепельные кудри.

– Ю?! – удивился я ее неожиданному появлению.

– Ты запомнил мое имя! – кокетливо проговорила она и улыбнулась. – Мило, я польщена.

Мои глаза разбегались в разные стороны.

– Как это вообще все...

– Тсс, тихо! – пальцами она осторожно коснулась своих губ, будто они сделаны из хрусталя и восхищенно оглядела пушистый иней, выглядывающий из тумана. – Прими этот впечатляющий спецэффект за немаловажную деталь моего непостижимого образа. Подозреваю, что у тебя накопилась ко мне парочка вопросов, но все они подождут. Поднимайтесь и идите за мной!

– С какой стати нам следовать за тобой? Объясни, что ты сделала! Что со мной творилось все эти дни?! А самое важное: что сейчас творится с ней?!

Мой взгляд опустился на перепуганную М, лежащую на мне.

– Разве ты еще не понял? – с улыбкой спросила Ю. Уверенными шагами она подошла к нам, присела на корточки и плавным движением руки подтянула меня за подбородок ближе к себе. – ТЫ больше не вправе спрашивать что-либо до тех пор, пока Я тебе не разрешу. ТЫ теперь не владеешь своей жизнью, пока Я не позволю тебе сделать и шага в сторону. ТЫ от сего дня будешь делать так, как Я тебе скажу. Никак иначе!

Меня начала переполнять злость, вызванная непонимани-

ем.

– Если ты договорила, то теперь скажи, как спасти ее?!

– Ха-ха-ха – холодным смехом рассмеялась она, встала на ноги и возвысилась надо мной. – Забавляешь меня В, ой, забавляешь. ТЫ всю свою жизнь рассеял по ветру. Каждый твой никчемный след, оставленный хождением твоих крохотных ножек, отныне потерян навсегда! При этом, единственное, что тебя беспокоит – это твоя ненаглядная, – насмешливым взглядом она обратилась к М и потянулась к ней своими тонкими пальцами. – Кстати, здравствуй! Познакомимся поближе?

– Убери от нее свои руки! – закрыл я ее за собой.

– Как невежливо! – Ю топнула ногой и надула щеки.

– Что с ней произошло? – не унимался я с вопросами. –

Почему она не может покинуть эту дорогу?

– Забавно. К конструктивному диалогу ты, как я вижу, не будешь готов, пока не обзаведешься уверенностью в том, что твоя М в безопасности. Поясняю: данное место ей можно покинуть только с тобой – привязана она теперь к тебе. Куда ты, туда она. Цел ты, цела она. Царапинки эти заживут и заметить не успеешь как. Воскресила ее я. Вероятно, не так как ты думаешь, но все же благодарен за это ты должен быть именно мне. Боготворить и почитать меня ежедневно. Целовать руку королеве разрешено лишь после обеда. Не терплю прикосновения людей с утра. Нервируют.

– В, что это за страшное существо? – спросила М, дер-

гая меня за плещ. – Она говорит правду? Похоже, это все еще сон.

– Вот и наша раненая птичка защелкала! – Ю в этот момент сменила властный тон на более ласковый, она расцвела, причудливо рассматривая каждую деталь в М.

– Стоп, ты назвала ее существом? – поразился я. Перед нами в мехах стояла обычная девушка лет двадцати... пяти, наверное.

– Тебе наивно думалось, что каждый человек способен видеть меня в истинном облики? – улыбнулась Ю, смотря на наручные часы. – Эх, если бы все было так... Что же, раз мы с вами столь мило побеседовали, то теперь, смею напомнить, нам пора. Запряженная карета ждет за углом. Подъем!

– В, я не хочу с ней никуда идти! – сказала М, испуганно смотря мне в глаза. – Она же явно сумасшедшая!

– Неужели хочешь вечность бродить в тумане, крича: «Мама, папа, В, где-е-е же вы?!» – жалобно говорила Ю, хватаясь руками за сердце и открывая рот словно от боли. – Я хочу домой, боже-боже! Пожалуйста, спасите.

– ЧТО-ООО? Как ты узнала о чем я говорила?

– Черт! – Ю приложила ладонь ко лбу и громко выдохнула. – Еще одна с надоедливими вопросами! Теперь мне ясно причина, по которой вы сошлись вместе. Значит так: либо прямо сейчас вы оба проследуете за мной в машину, либо ты – всю отведенную тебе жизнь будешь потерянно бегать по миру, разыскивая знакомых людей, а ты, милочка –

на целую вечность с перебитыми ножками останешься лежать здесь! Поверьте, я могу это устроить!

Конечно, право на выбор у нас имелось, но лишь иллюзорное. Ни я, ни М больше не хотели потерять друг друга и оставаться еще хоть на секунду в разлуке. К тому же, оставался еще целый вагон и маленькая тележка вопросов, которые мне безумно хотелось задать. Внутреннее ощущение подсказывало, что именно у Ю имеются ответы на них. Нам не оставалось ничего другого, кроме как пойти за ней туда, куда она скажет. Далеко не самый удобный расклад дел, тем не менее, все же лучше, чем тот, который был у меня сегодня днем.

Поднявшись с земли, стало ясно, что идти М могла с трудом из-за остаточной боли в теле. Тогда я взял ее за талию, обхватил под ноги и, аккуратно подняв, осторожно понес на руках, как хрупкую фарфоровую вазу, следуя напрямик за Ю. Пройдя чуть более ста метров, мы зашли за поворот и увидели заведенную машину черного цвета без номерных знаков.

– Садитесь, – сказала Ю и пригласила нас взмахом руки.

– Мы точно хотим ехать с этим чудовищем? – жалобно спросила М, лежа у меня на руках.

– Интересно, как же именно она видится тебе? – спросил я, опуская ее на землю. Снял свой плащ, накинул ей на плечи и, обнимая, взглянул в глаза. – Конечно, не хотим, но пока нам стоит следовать за ней. По крайней мере, пока не разуз-

наем всю правду о тебе и о том, что вообще произошло. Это поможет нам понять, куда двигаться дальше. Я буду рядом с тобой, верь мне.

– Хорошо, как скажешь, – согласилась она и взглянула на меня с трепетом. – Я люблю тебя, В.

– И я люблю тебя, М.

Наши губы взаимно потянулись навстречу.

– Кхе-кхе, – притворно покашляла Ю и высунулась из машины. – Вы заставляете нас ждать. Это невежливо даже со стороны таких очаровательных провинциалов как вы.

Мы открыли двери автомобиля и сели на задние кожаные сиденья. Вплотную подвинулись и обнялись, словно в страхе за то, что нас отнимут друг у друга.

– Тот, о котором вы говорили? – спросила девушка, что сидела за рулем.

Лица нам не было видно. Удалось заметить, что ее темные волосы едва касаются плеч. Одета она в черный строгий пиджак с белой рубашкой. В отражении зеркала заднего вида показался розоватый шрам на лбу, тянущийся до виска и слегка задевающий густую бровь.

– Верно, Ф, – кивнула Ю, – тот самый. Можем ехать.

– Как прикажите, госпожа.

Машина тронулась. Туман наконец-таки полностью рассеялся и ночной город вернул себе привычные цвета. Пустые дороги освещали желтые фонари и разнообразные вывески витрин, бьющие ярким неоновым светом по глазам.

– Мы проследовали за тобой, – сказал я. – Теперь ты объяснишь все как следует?

– Он сказал «мы»? – удивилась Ф, переключая скорость на коробке передач.

– С этим пока подождем! – манерно проговорила Ю, закрывая пальцами ей рот осторожно, будто те имели в наличии шипы. Затем с переднего сидения повернулась к нам.

– М, милая, что последнее ты помнишь до встречи с В на дороге?

– Для чего тебе это знать? – насупилась она.

– Надо. Скоро все встанет на свои места. Обещаю.

М немного поерзала на месте в поиске места поудобнее. Затем начала говорить, нервно ковыряя ногтем застывшую кровь на ноге:

– Я помню как вышла с сумкой из подъезда на улицу, погруженную в темноту. Поливал сильный дождь, сверкали молнии. Я увидела, что В упал и лежит на земле. Сильно испугалась и поспешила к нему. Было довольно скользко. Когда перебегала через дорогу нечто яркое ослепило меня. Потом... уже ничего не помню. В моих глазах все погасло. Я словно отключилась, а очнулась позже на этой же дороге. Мне думалось, будто все это сон, так как на улице уже успел наступить пасмурный день. Все мое тело заливалось кровью, кровь безостановочно вытекала литрами, но я почему-то не теряла сознание. Было нечем дышать. Воздух висел тяжелый. Я еле-еле поднялась на ноги и поняла, что с трудом

могу идти из-за боли в суставах. Попыталась зайти к себе домой, забрызгала подъезд кровью, но двери были закрыты. Мне никто не открывал. Подходила за помощью к соседям, просила дать мне бинты или позвонить в скорую помощь хотя бы. Они все почему-то делали вид, что не видят меня. И так абсолютно с каждым человеком: я стою прямо перед ним, кричу, машу руками, а он не замечает и уходит дальше. Следуя за ним по уходящей вдаль улице, меня из раза в раз возвращало на то место, где я пришла в себя.

– Да, все как всегда, – безразлично произнесла Ю, с интересом рассматривая свой маникюр. – Так и должно быть.

– Должно быть?! – М дернулась вперед и начала кричать: – **ЧТО СО МНОЙ БЫЛО? ТЫ ЗНАЕШЬ? ГОВОРИ!**

– В, сожми свою девочку покрепче и приготовься успокаивать. Сейчас ее нервы заметно расшатаются, – сдержанно предупредила Ю. – М, ранее уже сказано, но повторюсь: в тот вечер ты умерла. Тебя возле собственного дома сбила машина, проезжающая по неосвещенной улице. Шансов спасти тебя не было. Смерть была мгновенной.

– Ч-что ты несешь? – ее глаза наполнились испугом. – Бред!

Она пыталась втиснуться глубже в сиденье, как можно дальше от Ю, и начала мотать головой, не желая слышать подобное.

– М, послушай, – я взял ее за плечи и перевел внимание на себя. – Она говорит правду. Ты... умерла. Сегодня утром

тебя похоронили.

Мои слова до последней буквы прозвучали ужасно, но я был просто обязан их произнести.

— Утром... похоронили? — она испуганно отдалилась от меня к двери, думая, что я тоже спятил и стукнулась затылком об стекло.

Я рассказал ей в мельчайших подробностях все то, что произошло после того как она выбежала на улицу: как машина сбила ее у меня на глазах, о моем состоянии в последующие дни, проведении похорон и про все ведение и странности, которые довелось наблюдать после встречи с Ю. По ходу моего пересказа событий губы М задрожали, кулачок колотил по ноге. Покрасневшие глаза шокировано смотрели на меня, ни на кого больше. Она молча слушала и просила продолжать рассказывать все, каждую деталь, не утаивать ничего. Когда я закончил говорить потоки ужасающей информации переполнили ее и эмоции взяли над ней верх. М нырнула ко мне и крепко обвила мою шею руками, будто цепляясь за последнее, что у нее осталось. Она несколько раз попыталась что-то произнести, но каждое слово терялось в громких всхлипах и столах. Горькие слезы полились по щекам и стекали на мою одежду. Я почувствовал как острые ногти впиваются в мою кожу, проникают в волосы и хватают их. Мне стало невероятно больно, но вовсе не от резких прикосновений. Всему причиной был ее плач. Салон машины наполнился мучительными рыданиями, которым не было

конца.

Какое-то время все просто сидели и молчали, пытаясь переварить в голове все события. Мы с М замерли в одной позе, цепко схватившись друг за друга. Мне хотелось что-то сказать, как-то утихомирить ураган потрясений, буйствующий в ней. Но ни одного подходящего слова подобрать не удалось. Все казалось глупым и неуместным. К тому же, многое до сих пор вызывало вопросы.

Мой голос прервал висевшее безмолвие:

– Если она умерла, то как мы все ее видим?

– Ф, посмотри назад, – попросила Ю. – Кого ты видишь?

– Парень худощавый, растрепанный, – взглянула она в зеркало. – Больше никого нет.

– Ю! – жалобно крикнул я, приблизившись к ней. – Но... как же так? Ты же можешь...

– Видеть М? Верно, я могу, – ее ладони сложились вместе на спинке сиденья и она легла на них подбородком. – Знаешь, я вообще много кого и чего вижу. Иногда даже чересчур. А вот Ф никогда ее не увидит, как и все остальные люди. Живые люди...

– Я – призрак? – М выдвинулась в проход и агрессивно помахала ладонью возле глаз Ф. Никакой реакции не последовало. Девушка сидела смирно и продолжала спокойно вести машину. – Это же невозможно! Эй, Эй, посмотри на меня!

– Не утруждай себя! – Ю схватила ее запястье. – Ты действительно призрак. Лишь мы с В способны тебе ответить.

М отскочила от нее назад, как от заразной.

– Но, почему? – спросил я, принимая свою девушку в объятия.

– Вспомни нашу встречу, те слова, которые ты произнес, стоя подле могилы.

– Я готов отказаться от всего, что имею сейчас, если М будет рядом, – последовал ответ.

– «ВСЕ, что у меня есть, когда-то было, и еще будет в будущем». – процитировала девушка, постукивая указательным пальцем по виску. – Правильно? Поправь, если я ошиблась.

– Не может быть! – пораженный, я повалился всем телом назад. – Это многое объясняет. Ты что, забрала всю мою жизнь в обмен на жизнь М? Но... ведь ты заставила меня это сказать!

– Неверно! Я всего лишь любезно попросила тебя произнести вслух то, что тяготило твои мысли. Ты самостоятельно, без сомнений отдал всю свою жизнь. Забыл?

– Каким образом?! – крикнул я, ударив по двери. – Сказав эту фразу?!

– Именно так, да! – заорала она, повторяя мою интонацию. – Глупые создания, вечно вы не осознаете истинной ценности тех слов, которыми швыряетесь направо и налево. Сперва говорите глупости, а лишь потом обдумываете их, пылая желанием вернуться в прошлое и зашить себе рот. Вы смело, без капли бережливости, бросаете слова на ветер, потому что убедили самих себя в том, что они так никогда

и не долетят до цели. Сколько бы тысяч лет не прошло, какой бы континент я не посетила, сколько бы разносторонних людей на нем не повидала – каждый раз одно и то же! Первым делом открываем свой поганный рот, потом думаем о уже настигнувших последствиях. Мне испокон веков ненавистна эта черта в вас. Избавьтесь же от нее! Противно и даже не романтично!

По моим ногам внезапно прошелся холодный ветер, заставивший кожу покраснеть. Голова шла кругом. В какой-то момент ее речи мне показалось, что слушать дальше бессмысленно, потому как я уже сошел с ума. Пытаясь собраться с мыслями, спросил:

– Ты решила таким образом подтянуть меня за слова? Как тебе это удалось?

Ю отрешенно взглянула на золотые часы с бриллиантами на ее тонкой руке, элегантным движением поправила блестящие волосы и заговорила:

– В, ты подбираешься немного ближе к правде. Однако просто «подтянуть за слова» – далеко не то, чего я хочу. Слишком низменно. Мне не доставляет и малейшего удовольствия наказывать людей, предпринимая тщетные попытки научить их чему-то. Такой подход лишен смысла. Забудь даже представлять как именно у меня получилось все это. Твой мозг просто не выдержит нагрузки от узнанного. Я сама решу, когда кормить тебя информацией. Моя цель состоит в другом. Хотите знать в чем конкретно? Узнаете

позже! Запомните главное, сладкая парочка: с сегодняшнего дня вы существуете лишь благодаря моей доброй воле. Исключительно совместно друг с другом, как одно целое. М, успокоилась немного? Теперь слушай, ты – призрак, находящийся в этом мире, потому что твой парень, влюбленный эгоист, никак не мог отпустить тебя. Ему невероятно хотелось быть с тобой. Он пожертвовал абсолютно всем, что имел в своем скромном владении, включая память собственной матери о нем. Теперь наблюдать тебя сможет только он. В случае, если отдались на слишком большое расстояние, скажем, более двухсот метров – растворишься раз и навсегда. Ты не сможешь ни с кем заговорить, кроме как с ним. Более того, прикасаться к каким-либо предметам можешь исключительно в его присутствии. Отойди он хотя бы в соседнюю комнату – чашка чая, которую ты спокойно попивала, выпадет у тебя из рук. Без него – нет тебя, запомни! В, ВСЕГДА следи за расстоянием между вами. Почему, надеюсь, ты уже понял. Я дарю тебе твою девушку, при чем только тебе. В обмен на это будешь беспрекословно выполнять ту работу, которой буду нагружать постоянно. Любой отказ от задания приравнивается к незамедлительному уничтожению вас обоих, за исключением предоставления мне уважительной причины. Ну, вроде все. Уяснили?

– Боже! – я закрыл лицо руками. – Это невероятно!

М оживилась и начала трясти меня за плечо.

– Что, что невероятно?

– Невероятно то, что, похоже, нет причин сомневаться в действительности ее слов. Я пришел домой и мама не узнала меня. Не узнал никто из соседей. Выходит, что моей жизни нет. А вот ты, М, появилась. Все как и сказала Ю. Но... она заставила меня сказать все это.

М вскочила и встала коленями на сидение.

– Ты идиот! – закричала она и ударила меня в плечо. – Это самый глупый твой поступок из всех совершенных! Надо же хотя бы немного понимать то, что именно ты говоришь, то кому ты говоришь! Она же просто проходимка, незнакомка с кладбища! О чем ты только думал?! В, я люблю тебя, но... какой же ты идиот, идиот, ИДИОТ! Скажи, скажи что-нибудь!

Она продолжала со слезами на глазах колотить меня по плечу, шее и щекам.

– М, я тоже люблю тебя, – хрипло проговорил я, смотря на деревья причудливой формы. Мы покинули город.

Мне было невыносимо больно видеть ее слезы, поэтому я отвернулся и не поворачивался какое-то время.

– Согласна полностью! – весело пропела Ю, подняв большой палец вверх. – Очень глупый поступок!

– Помолчи уже, чудовище! – отмахнулась М.

– Снова эти оскорбления! – с досадой в голосе промычала Ю и легонько ударила себе по ноге.

– Госпожа, странно, что вы вообще терпите все это, – напомнила о своем присутствии Ф. – В прошлом вы за меня-

шее испепеляли одним лишь взглядом.

– На то оно и прошлое, чтобы делать из него выводы и поступать иначе. Не все меры наказания действенны, – Ю начала закручивать палец в волосы. – А на эту девицу я зла не держу. Вероятно, она и правда видит меня чудовищем. Другое дело, наш В. Дорогой, опиши-ка меня!

– Дорогой? – М подпрыгнула на месте.

– Кхм-кхм, – удивленно покашлял я. – Ну, глаза очень необычные, светло-серые. Не думал, что такие бывают. Взгляд пугающий, при этом он завораживает. Н-ну, немного. Волосы пепельные, очень длинные и бархатистые. Красивый цвет. Ты довольно высокая и стройная. Лицо аккуратное, без единого изъяна. Симметричное и весьма симпатичное.

М смотрела на меня с нарастающей злостью в глазах, трогая свои черные волосы.

– Пепельные волосы – красивый цвет?! – разъяренно спросила она.

– Хе-хе! – ехидно посмеялась Ю и радостно захлопала в ладоши.

– Как ты можешь видеть в ней это? – М схватила меня за голову. – Взгляни получше! Исхудавшая, иссохшая, болезненная старая тетка в пыльной темной накидке! Волосы седые! Щеки впали давным давно, вся кожа в морщинах. Огромные мерзкие гнойники покрывают ее руки. Мерзость! А голос вообще сравним со скрипучей калиткой!

– Именно так вы оба видите смерть, – холодно произнесла

Ю и начала смотреть на нас, расширив глаза. – Каждый по-своему, в зависимости от того, какой ее представляли, в зависимости от того, что она для вас значит.

Ее лицо в миг стало серьезным.

– То есть, ты?.. – М обняла себя за плечи, словно замерзла.

Ответа не последовало. Она лишь посмотрела на нас еще несколько секунд, а затем отвернулась. Мы с М переглянулись, прочли страх в друг друге и сдвинулись ближе. Прикоснувшись к ее коже, я почувствовал, что она тоже сильно замерзла. Как выяснялось, в салоне и правда упала температура. Мне не показалось.

С этого момента стало ясно, что все происходящее ранее мне не причудилось из-за разыгравшегося воображения или какого-то сдвига в голове. Каждое ведение и событие реально. Я даже не знал радоваться тому, что с моей головой все в порядке, наоборот переживать из-за тяжелого груза ответственности, навалившегося на плечи. Полагаю, верными были оба варианта.

М снова со мной – это приятно грело мне душу. Пусть и в виде... призрака. Кто бы мог подумать. Даже я сам не смог бы, когда сегодня с утра собирался на ее похороны. Сверхъестественный мир, о котором написано множество книг и снято несчетное количество фильмов существует. Он открылся для нас сегодня самым неожиданным образом – благодаря моим словам, в которые вовсе не вкладывалось какого-либо смысла. Это и стало главнейшим упущением.

ем. Я даже подумать не мог, что все в действительности пропадет по щелку пальца, если просто произнести это в слух. Удивительно...

Рядом была та, кто все слышала и решила трактовать сказанное по своему усмотрению. Она воспользовалась горечью моей скорби, вытянув из моих уст то, что хотела услышать. Подло. Но, как ни крути, виноват я сам. Ю практически призналась в том, что является смертью. Объяснению такое едва ли поддается. Если начать подробнее расспрашивать об этом сейчас, то ответа явно не последует. Поэтому я решил на время постараться отдалиться от этих мыслей.

В голове заиграл голос мамы, а именно все те фразы о любви и поддержке, которые она говорила мне в такси, да и вообще на протяжении всей жизни. Мне хотелось поведать ей обо всем случившемся, с интересом послушать, что же ею будет сказано на все это. Внутри что-то дрогнуло, заставив меня слегка дернуться с места. Я вдруг вспомнил, что ценой происходящего сейчас является именно ее полное отсутствие в моей жизни. Когда она захлопнула дверь, не пуская меня в квартиру, мне показалось, что целый мир рухнул передо мной. Эта цена непозволительно высока, подумал я. Хотя, в то же время, смотря сейчас на М, с серьезным лицом тыкающую пальцем в свои заросшие раны, в мои мысли пробирались сомнения. Было интересно, что же происходит в ее голове, что тяготит ее душу, ведь ей так же пришлось нелегко.

– А мы скоро приедем? – вдруг спросила она. – И, вообще, куда мы едем?

– Забавно, что тебя заинтересовало это только сейчас, – усмехнулась Ю. – Мы едем в Пристанище – место, где ваше сосуществование не вызовет вопросов. Проще говоря, домой.

Я поразился, хотелось сию секунду запротестовать и сказать, что мы отказываемся ехать непонятно куда и жить непонятно где. Затем внутренний голос произнес: «Ну хорошо, тогда попроси ее развернуться и отвезти вас назад – туда, где вас не существует.»

– Ну вот, – сказал я и недовольно цыкнул. – Теперь нам еще невольно придется испытывать чувство благодарности, ведь ты даешь нам крышу над головой.

– Вам давно уже пора испытывать это чувство, – произнесла Ф, круто повернув на съезд дороги, ведущий в лес. – Примерно с тех пор, как госпожа оказала вам милость, великодушно посадив в свою машину. Несогласных следовать за ней в прошлом постигала скверная участь: их тела разрубались на кусочки, а конечности раскидывались по всей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.